

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

Шашлык
из козла
отпущения

Детектив-любитель Надежда Лебедева

Наталья Александрова

Шашлык из козла отпущения

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Шашлык из козла отпущения / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2017 — (Детектив-любитель Надежда Лебедева)

ISBN 978-5-699-95887-0

Детектив Надежда Лебедева, как и положено герою классической драмы, снова на распутье. Долг и чувство зовут ее в противоположные стороны. Долг требует остаться дома с мужем и котом, потому что муж и особенно кот для каждой порядочной домохозяйки – это святое. А инстинкт сыщицы толкает в провинциальный Козодоев, где без нее, Надежды, никто, конечно, не справится с полудюжиной трупов и местным мэром – прохвостом и взяточником, которого каждый следователь просто обязан вывести на чистую воду, если не хочет потерять уважение собственного кота...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95887-0

© Александрова Н. Н., 2017
© Эксмо, 2017

Наталья Александрова

Шашлык из козла отпущения

© Александрова Н.Н., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

– Что я тебе скажу, Петрович. – Мормышкин повернулся к водителю. – Это точно Костыка Свиридов у Санька твоего мотороллер увел. Этот Костыка не раз за такими делами был замечен!

Петрович что-то невнятно пробормотал, и Мормышкин понял, что тот засыпает за рулем.

– Петрович! Эй, Петрович, ты чего? – Он повысил голос. – Эй, ты остановись, а то ведь грохнемся!

– Да я в порядке, – ответил тот и встряхнулся. – Скоро уже приедем. Так что, ты, значит, определенно на Костыку думаешь?

– А на кого же еще? – авторитетно произнес Мормышкин. – Сам посуди: кто, если не он? Этот аргумент произвел на Петровича сильное впечатление, и он снова замолчал.

Ночная дорога стремительно разматывалась, ложась под колеса. В свете фар вырисовывались придорожные кусты, редкие постройки, бесшумно мелькнула большая птица. В темноте знакомая дорога стала какой-то чужой, непривычной. Вдруг впереди показалось пятно яркого света, выросло, бросилось навстречу...

– Петрович, берегись! – вскрикнул Мормышкин, но было уже поздно: они почувствовали резкий удар, услышали грохот, звон разбитого стекла, скрежет рвущегося металла, машина вылетела на обочину и наконец остановилась.

Наступила глухая страшная тишина, нарушаемая каким-то странным повторяющимся звуком, как будто тихонько поскуливала собака.

– Что это было? – тихо, испуганно проговорил Петрович, повернувшись к спутнику.

– По-моему, ты кого-то сбил, – так же тихо ответил ему Мормышкин.

Он открыл дверцу, выбрался на дорогу, взгляделся в темноту.

Посреди шоссе лежал покореженный мотоцикл, а чуть в стороне от него – мотоциклист в кожаной куртке и без шлема. Мормышкин подошел к нему, наклонился. Под головой мотоциклиста расплывалось темное пятно, одна нога странно подергивалась, вторая вывернулась под каким-то неестественным углом. Из горла вырывалось то самое поскуливание, которое слышал Мормышкин. Он наклонился еще ниже, взгляделся в лицо жертвы и узнал его.

– Толя? – проговорил испуганно. – Это никак ты? Толян, ты как – в порядке?

– Какое... там... в порядке... – с трудом выдохнул мотоциклист. – Помираю я...

– Да погоди помирать! – с фальшивым оптимизмом перебил его Мормышкин. – Сейчас мы с Петровичем тебя в больницу отвезем... Петрович! – окликнул Мормышкин приятеля. – Это же мы с тобой Толю Сыроежкина сбили!

– Е-мое! – проговорил Петрович, обходя машину. – И крыло на фиг раскурочили...

– Послушай, чего скажу! – отчетливо проговорил мотоциклист. – Послушай!

– Ты, это, погоди... сейчас мы в больницу...

– Да какая там больница... – прохрипел Толя.

Мормышкин нагнулся еще ниже, прижал ухо к самым губам пострадавшего. Тот зашептал жарко, неровно дыша в ухо.

Чем дольше он говорил, тем страшнее становилось Мормышкину. То, что рассказывал ему Толя, казалось просто невозможным, невероятным. Теплая ночь сделалась зябкой, промозглой, как будто потянул ветер с Ледовитого океана.

– Ты это что? Ты это точно? – забормотал Мормышкин, когда Толя умолк. Но тот ничего не ответил. В горле у него заклокотало, Толя дернулся и затих.

– Чего с ним? – проворчал, подходя, Петрович.

– Кажется, он... того... – отозвался Мормышкин, стащив с головы кепку. – Кажется, помер...

– А вот нечего по ночам на этом драндулете раскатывать! – обиженным голосом выговорил Петрович, и вдруг до него дошло: – Помер, говоришь? Как же так...

Телефон звонил как-то глухо, как из-под воды, поэтому Надежда услышала его с трудом и не сразу. В этот момент она балансировала на табуретке, ввинчивая лампочку в люстру. Не спешите жалеть Надежду Николаевну и кричать про горький удел одинокой женщины. Муж у Надежды был, причем очень хороший – умный, хозяйственный и непьющий. Сан Саныч принадлежал к тому достаточно редкому, можно сказать, уникальному виду мужчин, которые умеют работать не только головой, но и руками, так что, к примеру, заменить перегоревшую лампочку он мог в мгновение ока. Более того, ему не нужно было напоминать об этом две недели, он сам замечал в квартире весь мелкий беспорядок и умел устранить его без напоминания.

Просто он очень много работал, чтобы создать для своей жены мало-мальски сносную жизнь, и Надежда Николаевна не хотела дергать его по пустякам.

Итак, Надежда услышала звонок и произвольно переступила ногами. Табуретка накренилась, люстра угрожающе закачалась, Надежда чудом не свалилась, а ловко спрыгнула вниз. От грохота проснулся кот Бейсик, отдохавший на диване в подушках. Спросонья не разобравшись в ситуации, кот прижал уши и рванул прочь из комнаты, оставляя за собой клочки рыжей шерсти.

– Только что пропылесосила ковер! – вздохнула Надежда. – Бейсик, ты это нарочно...

Тут до нее снова дошел отдаленный звонок телефона, и Надежда побрела на звук.

Уже два года они с мужем жили не в ее однокомнатной квартирке, а в большой трехкомнатной, которая принадлежала Сан Санычу и его сыну. Сын, однако, со своей семьей – жена, внук Вовка и огромных размеров сенбернар Арчибальд – уже второй год пребывали в Канаде, работали там по контракту. Так что Надежда нежданно-негаданно оказалась хозяйкой квартиры. Незадолго до этого ее сократили с работы, так что волею-неволей пришлось Надежде Николаевне из инженера переквалифицироваться в домохозяйки. Может, кто-то и был бы доволен таким поворотом событий, но только не Надежда. Потому что хоть за без малого тридцать лет родной институт надоел ей до зубовного скрежета, все же там ее окружали в основном приличные интеллигентные люди, работа инженера предусматривает наличие каких-нито мозгов и знаний. Голова у Надежды Николаевны была занята делом, и теперь ей, голове, стало нечего делать.

Надежда Николаевна была женщиной общительной, и так случилось, что по странному стечению обстоятельств с ее многочисленными друзьями и знакомыми стали происходить разные криминальные истории. Причем, что характерно, все знакомые и друзья Надежды были приличными людьми, однако то один, то другой попадали в неприятные и даже опасные ситуации. Не все обращались за помощью к Надежде, но у нее вошло в привычку помогать им выпутаться из беды путем расследования преступления. Как оказалось, это у нее неплохо получается. И все бы было хорошо и мило, если бы не мнение Сан Саныча.

Муж Надежды был человек справедливый и законопослушный.

Разумеется, он не считал, что расследованием преступлений должна заниматься полиция – им, мол, за это деньги платят, они – люди компетентные и тому подобное. Такое в наше время и пятилетний ребенок не подумает. Нет, Сан Саныч был только против того, чтобы его собственная жена влипала во всякие криминальные истории, поскольку считал, что это очень опасно. Он очень сердился, когда заставлял Надежду за таким занятием, и хотя был человеком вежливым и неконфликтным, даже кричал на Надежду и топал ногами. И брал с нее честное слово, что она больше никогда не станет этим заниматься.

Надежда Николаевна слово охотно давала, но поскольку своему слову она была хозяйка, то при каждом новом криминальном происшествии брала это самое честное слово назад. Главное – это чтобы Сан Саныч ничего не узнал.

Надежда считала, что делает это во благо – чтобы муж не волновался и чтобы ее семейная жизнь не дала трещину.

Сейчас Надежда Николаевна миновала длинный коридор и вошла в комнату, которая раньше была детской, а потом Сан Саныч приспособил ее под кабинет. Надежда покрутила головой и поняла, что звук идет не отсюда. Она снова вышла в коридор и прислушалась. Похоже, что телефон звонит из спальни. Надежда занервничала и бросилась в спальню – если трезвонят так долго, значит, очень нужно.

В обозримом пространстве телефонной трубки не было. Надежда обшарила комод и прикроватные тумбочки, открыла дверцу встроенного шкафа. Нет.

Тогда Надежда рывком сорвала покрывало с кровати и зарылась в подушки, как собака зарывается в кучу прошлогодних листьев. Никакого эффекта. И только тогда до Надежды дошло, что звонок доносится из-под кровати.

Кровать была большая, двуспальная, очень широкая, Надежда со стоном легла на пол и отогнула покрывало. Так и есть, трубка валялась посередине.

– Бейсик, я убью тебя! – заорала Надежда.

Но прежде чем осуществить эту угрозу, следовало поговорить по телефону.

Охая и ругаясь сквозь зубы, Надежда вытянула руку и попыталась достать телефон. Не получилось, она сумела только отпихнуть его в противоположную сторону. Пришлось вылезать, обходить кровать, в результате чего Надежда ушибла ногу о спинку, но зато наконец ухватила этот чертов телефон.

– Да! – закричала она. – Слушаю!

– Ну, ты и спать, – хмыкнул на том конце очень знакомый голос. – Надежда, всю жизнь проспишь!

Звонил старый приятель Игорь, замечательный художник и хороший человек. Надежда дружила с ним с незапамятных времен, точнее, подружились они с его женой Галкой, но это было так давно, что они уже забыли, кто там был первый.

– Ой, да ладно, – недовольно буркнула Надежда, – а то ты меня не знаешь. Это кот, скотина, трубку под кровать запихал!

– Вот я и удивился, – посмеивался Игорь, – знаю тебя как женщину активную и трудолюбивую, а тут такое...

Разумеется, Гарик говорил не голословно. Была у них с Надеждой общая тайна.

Года три назад довелось им вместе участвовать в одном сложном и запутанном деле. Это случилось, когда украли из Эрмитажа картину известного французского художника (см. роман Н. Александровой «Бассейн в гареме»). Дело тогда было громкое, как сейчас говорят, резонансное, СМИ кричали о нем очень долго, полиция старалась вовсю, поэтому Надежда с Гариком сидели тихо как мышки и даже между собой старались об этом случае не упоминать.

– Как живешь, Надя? – спрашивал Гарик. – Все здоровы?

– Угу, – односложно отвечала Надежда, давая тем самым понять собеседнику, чтобы отбросил всякие посторонние разговоры и переходил прямо к делу. Он понял ее правильно.

– Я чего звоню-то, – сказал он после короткой паузы. – У меня Галька рехнулась.
– Да ну? – удивилась Надежда. – Как это?
– А вот так просто. Надумала, понимаешь, морду лица себе перекроить!
– Подтяжку, что ли, сделала? – ахнула Надежда Николаевна. – С чего это она вдруг?
– А она, понимаешь, посмотрелась телевизора да начиталась журналов разных, вот и решила идти в ногу со временем, – зло сказал Игорь. – Я ведь теперь модным стал, ты не знала?
– Да знала, ты же нас с Сашей на выставку свою приглашал...
– Вот, а тут пошли приемы разные, вернисажи, тусовки, суаре эти, чтоб их совсем... Короче, поглядела она на модную публику – все, говорит, молодые, красивые, одна я, как дура, с морщинами. В Москве выставка была... Ну, после того она вообще с катушек сошла. Я, конечно, свое слово сказал – зачем, говорю, тебе это надо? Я свою жену и с морщинами люблю. Запретил, в общем, – здоровье дороже. Она вроде сперва послушалась, а потом вот что удумала.

Надежда уселась на кровать и стала слушать.

Галина была женщиной не то чтобы решительной, но несколько упрямой. И именно в этом случае мнение мужа проигнорировала. Подумала, что он, как все мужчины, мало понимает в женской внешности. Дождавшись, когда Игорь отбудет в очередную творческую командировку, его женушка, договорившись заранее, легла в клинику на пластику. А мужу сказала, что поедет отдохнуть в пансионат – какие-то там СПА-процедуры и общая чистка организма.

Но все пошло не по плану. Сначала в клинике некстати прорвало трубы, поэтому операцию отложили на три дня. Потом у Галки оказалось неприятие какого-то препарата, пока выяснили, снова задержка. И наконец, когда сделали все, на что подражались, заживает все плохо и теперь она проведет в клинике еще две недели.

– А она, понимаешь, со мной не разговаривает, говорит, что мобильный сломался, – жаловался Игорь.

– А откуда ты это все узнал? – поинтересовалась Надежда Николаевна.

– А я подслушал, как она Машке жаловалась. Машка с моджахедами к нам как раз приехала, с Галкой по телефону говорила, я трубку параллельную взял...

Моджахедами Гарик называл двух своих внуков-близнецов девяти с половиной лет. Надежда с ними общалась редко, но успела убедиться, что дедушка в данном случае прав, прозвище вполне соответствовало действительности.

– Надя, – в голосе приятеля появились просительные нотки, – Надя, ты бы съездила ее проведать, а? Узнаешь там на месте, что и как... Вдруг и правда осложнения какие-то? Тогда тревогу бить надо, я приеду, ее из этой клиники дурацкой заберу, найду врача хорошего. Надо будет – в Германию поедem!

– Да как же я поеду? – растерялась Надежда. – Меня и в клинику эту не пустят...

В дальнейшем разговоре выяснилось, что тут как раз все просто. Клиника находится в области, километров за двести от Петербурга. Предприимчивый хозяин выстроил целый комплекс новых зданий, правильно рассчитав, что ради такого случая дамы поедут к нему хоть на край света. Ведь накладных расходов гораздо меньше, чем за границей, стало быть, все гораздо дешевле. Опять же в такой глуши гарантируется полная анонимность. Не все ведь хотят рассказывать подробности о том, что они сделали со своими лицами и фигурами.

А неподалеку от клиники находится небольшой старинный городок Козодоев. И там какой-то ушлый предприниматель тоже организовал пансионат. Потому что бывают случаи, когда нужно сделать перерыв между операциями. И вот, чтобы домой не тащиться, поскольку люди в клинику приезжают не только из Петербурга, но и из Москвы, а также из других городов нашей бескрайней страны, некоторые на это время переезжают в этот пансионат в Козодоеве, поскольку там гораздо дешевле, чем в гостинице при клинике, да и опять же гостиница не резиновая, всех желающих вместить не может.

И Галина тоже живет сейчас в пансионате.

– Поезжай, Надя, а? – просил Игорь. – Машка не может моджахедов бросить, а если я поеду и ее в таком виде увижу, она мне этого никогда не простит. Подружки опять же растреплют по всему городу, а ты – женщина неболтливая, я знаю...

– Это точно... – поддакнула Надежда, и Игорь, обрадовавшись, что она согласилась, быстро отключился, переадресовав ее к дочери на предмет выяснения адреса пансионата.

Надежда покрутила головой и села на кровать. Вот обратная сторона ее положения домохозяйки! Все друзья и знакомые думают, что ей совершенно нечего делать, поэтому задают ей тысячи заданий! Вот и Игорь, если бы он знал, что Надежда с утра до вечера на работе, ему бы и в голову не пришло к ней обращаться с такой просьбой!

На кровать вспрыгнул кот. Он опасливо поглядел на Надежду, готовясь в любой момент дать деру, если хозяйка вспомнит про спрятанный телефон. Надежда, однако, рассеянно погладила кота по загривку и даже не заметила, когда он стал топтаться на новом покрывале.

Надежда подумала еще немного и поняла, что ей нужно ехать. Потому что если, не дай бог, с Галкой что случится, она этого себе никогда не простит.

У Галкиной дочки сначала было занято, а потом, когда сняли трубку, Надежда едва не оглохла от грохота и визга.

– Что это у тебя, Маша? – спросила она невольно.

– Дерутся, – ответила Машка спокойно, за девять с половиной лет она закалилась, как булатная сталь.

Она закрыла дверь и вернулась к телефону.

– Слушай, а в этот «Козлодоев» как попасть можно? – поинтересовалась Надежда.

Выяснилось, что в Козодоев попасть можно только поездом. То есть на машине, конечно, тоже можно, но у Надежды машины нет, да и дороги там оставляют желать лучшего. Поезд туда идет московский, но не скорый ночной и не «Сапсан», а самый что ни на есть кондовый, круговой. Причем стоит в Козодоеве три минуты.

– Но хоть не ночью? – обреченно спросила Надежда.

– Не-а, во второй половине дня.

– Так я в один день не успею? – расстроилась Надежда.

– Да вы что, тетя Надя? – заорала Машка, потому что близнецы распахнули двери, и снова возник визг и грохот. – Минимум на три дня рассчитывайте! Там поезд если не стоит нигде, и то больше шести часов идет!

– Безобразие! – заворчала Надежда. – Всего двести километров, а уже такая глухомань! Слушай, ну ты как хочешь, а я матери твоей позвоню, не стану валиться как снег на голову.

– Да она там озверела совсем, только рада будет! – заверила Машка, но все же дала номер секретного мобильного, купленного Галкой на такой вот экстренный случай.

Галка трубку взяла сразу, видно, и впрямь нечего ей было делать. Уразумев ситуацию, она нехотя согласилась на приезд Надежды. Та хотела было обидеться, но не зря они с Галкой были знакомы бог знает сколько лет. Надежда поняла по голосу, что с подружкой не все ладно. Голос был тихий и какой-то не свой.

– Надя, тебе кто телефон дал, Машка? – шипела Галка.

– Машка, Машка... – проворчала Надежда.

– Надя, только Игорехе не говори! – заклинала Галка. – Если скажешь, мы с тобой навек рассоримся!

– За это не беспокойся, – буркнула Надежда, – я могила.

Она отключилась и стала прикидывать про себя, как преподнести ее неожиданное отсутствие мужу. Он-то ожидает, что жена будет заботиться о нем как о много и тяжело работающем человеке, а она вдруг решила куда-то умотать на три дня.

Муж, однако, явившись вечером, к ее словам насчет поездки отнесся спокойно. И даже пообещал возвращаться пораньше, чтобы его обожаемому коту Бейсику не было скучно. Надежда даже расстроилась – к ней муж не спешит с работы, а ради кота готов на все!

Всем друзьям и знакомым было известно, что Сан Саныч обожал Бейсика больше жизни. Иногда в тяжелую минуту Надежда думала, что он и женился-то на ней исключительно из-за кота. Но такие мысли все же приходили к ней редко.

Кот с колен Сан Саныча глядел с легким злорадством, и Надежда совсем пала духом.

Но долго расстраиваться не было времени. Нужно было срочно наготовить мужу еды на три дня и еще провести с котом воспитательную работу на предмет поедания комнатных цветов и обдирания обоев в углу гостиной.

Надежда Николаевна вышла на привокзальную площадь города Козодоева и огляделась.

Все ее попутчики как-то быстро рассосались – кого встретили на машине родственники или знакомые, кто ушел пешком, скрывшись в ближних проулках. Только Надежду никто не встречал.

Площадь опустела.

Кроме самой Надежды, на этой площади присутствовали какой-то местный герой в виде посеребренного гипсового монумента и пожилой дядечка, который самозабвенно возился в моторе проржавевшего «жигуленка» неопределенного цвета.

На голове героя была фуражка с отбитым козырьком. На фуражке сидела растрепанная ворона и пристально разглядывала оттуда Надежду Николаевну. Во взгляде вороны читалось глубокое неодобрение, как у сотрудника отдела кадров с большим трудовым стажем. Известно, к чему это неодобрение относилось – к самой ли Надежде Николаевне или к огромной луже, занимающей значительную часть привокзальной площади и напоминающей формой и размерами Средиземное море. Правда, климат по берегам этой лужи был далеко не средиземноморский.

Надежда поставила свой чемоданчик на сухой островок, отдаленно смахивающий на Сицилию, достала из кармана мобильный и набрала Галкин номер.

– Привет, – сказала Надежда, услышав ее голос. – Картина называется «Не ждали». Я приехала, а тебя нет. Теперь я стою как памятник посреди площади и не знаю, что дальше делать. Один памятник здесь уже есть, так что даже это место уже занято. Честно говоря, я надеялась, что ты меня встретишь...

– Об этом не может быть и речи! – странным приглушенным голосом ответила Галина. – Но тебя там должны были встретить, я обо всем договорилась!

– Кто? – осведомилась Надежда Николаевна. – Порфирий Камчадалов? Кроме него, здесь никого нет!..

Это имя она прочла на постаменте памятника. Судя по этой надписи, так звали местного героя в гипсовом картузе с отбитым козырьком. Там же было написано, что этот Порфирий геройски погиб при проведении коллективизации в Козодоевском уезде.

– Какой еще Камчадалов? – удивленно переспросила Галка. – Не знаю такого! Я попросила тебя встретить Василия Верленовича. Он что, не приехал?

– А как он выглядит, этот твой Василий Мерленович?

– Приличный пожилой мужчина на бежевых «Жигулях».

Надежда взглядела в проржавленный автомобиль, под капотом которого возился местный житель. Пожалуй, когда-то этот автомобиль и правда был бежевыми «Жигулями».

– Кажется, я его вижу! – сообщила она подруге и, спрятав мобильник, направилась к автомобилисту.

– Вы Василий... Верленович? – неуверенно проговорила Надежда, обращаясь к той его части, которая виднелась из-под капота ржавых «Жигулей».

– Чичас! – донеслось из глубины машины, и оттуда приглушенно закашляли.

Мужчина еще немного повозился в моторе. Наконец он выбрался наружу, вытер руки замызанной тряпичей и пристально уставился на Надежду Николаевну.

– А вы, значит, Галины Ильиничны подруга будете! – проговорил он и открыл перед Надеждой дверцу своего «жигуля». Ее небольшой чемодан он засунул в багажник.

– Надежда, – представилась Надежда, устраиваясь на пассажирском сиденье. – А вы, значит, Василий Верленович? У вас дедушка с бабушкой интересовались французской поэзией?

– Это еще почему? – Дядечка подозрительно взглянул на Надежду. – Мой покойный дед никогда ничего такого не позволял, он всю жизнь честно трудился на кожевенной фабрике!

– Ну, одно другому не мешает... – смутилась Надежда. – Верлен – это же французский поэт...

– Верлен – это верный ленинец! – отчеканил дядечка и включил зажигание.

– Ах, вот как... – протянула Надежда и надолго замолчала.

Они проехали по улицам Козодоева.

Городок ничем особенно не поража́л воображение – не было здесь ни памятников седой старины, ни импозантных новостроек. Обычный захолустный городок, процентов на сорок состоящий из облезлых панельных пятиэтажек, известных в народе как хрущобы, а на остальные шестьдесят процентов заставленный невзрачными бревенчатыми одноэтажными домами с чахлыми палисадниками.

Вдруг за очередным поворотом перед Надеждой открылся старинный парк. За полуразрушенной оградой густо золотели столетние дубы, среди них темно-багряными мазками проступали клены. Дорожки парка заросли неопрятными кустами, но еще были видны, сквозь листву можно было угадать их планировку. А в конце широкой аллеи, обсаженной по краям мощными липами, виднелись руины старинной усадьбы. Желтая ампи́рная штукатурка была в основном отбита, и сквозь нее проступали грубые кирпичные стены, которые напомнили Надежде плакат из школьного кабинета анатомии – человек без кожи, с обнаженными красными мышцами и кровеносными сосудами.

Рядом с усадьбой пряталась среди деревьев небольшая часовня в готическом стиле, выдавая романтические пристрастия давно почившего владельца имения.

– Как красиво! – невольно воскликнула Надежда, прижавшись к окну машины.

– Державино, – односложно отозвался водитель и почему-то заметно помрачнел.

Они уже почти миновали парк, когда среди деревьев Надежда Николаевна увидела человека.

Это был немолодой мужчина в светлом плаще и старомодной шляпе, с тростью в руке. Он неторопливо шел по полузаросшей аллее. Повернувшись на шум мотора, незнакомец проводил «Жигули» внимательным сосредоточенным взглядом.

За парком начался более привлекательный район. Среди пожелтевших деревьев виднелись нарядные коттеджи, по правую руку промелькнул современный торговый центр из стекла и металла. Наконец Василий Верленович сбросил скорость и остановился возле аккуратного двухэтажного дома.

– Вот он, наш пансионат! – проговорил Василий Верленович с гордостью. Он открыл Надежде дверцу машины, вытащил из багажника ее чемодан и пошел к пансионату.

За стойкой регистрации сидела полная женщина лет сорока пяти с уложенной вокруг головы пшеничной косой. Приветливо улыбнувшись Надежде, она приподнялась ей навстречу:

– Ждем, ждем! Мы гостям всегда рады!

– Это очень хорошо, – улыбнулась в ответ Надежда Николаевна. – А только где же Галина?

– Галина Ильинична у себя в номере! Ожидают! – При этих словах на лицо дамы с косой набежала легкая тень. – Василий Верленович, проводите гостью!

Надежда Николаевна пожала плечами и пошла вслед за своим водителем. Тот поднялся на второй этаж, прошел по коридору и деликатно постучал костяшками пальцев в одну из дверей.

– Кто там?! – раздался из-за двери испуганный и какой-то полузадушенный голос. – Я же просила не беспокоить!

– Галина Ильинична, это подруга ваша! – проговорил в дверь Василий Верленович. – Доставили, значит!

За дверью наступила настороженная тишина.

Надежда с каждой минутой удивлялась все больше.

Галка ждала ее приезда – а теперь как будто не хочет видеть. Мало того что не встретила на вокзале, так даже из номера не собирается выходить, да и к себе не хочет пускать... Хотя, конечно, учитывая всю эту пластическую хирургию... Но все же это хамство – держать человека перед дверью после тяжелой дороги!

Надежда вспомнила жуткий поезд с неудобными жесткими сиденьями, и сосед слева ел отвратительно пахнущие чебуреки, а другой сосед всю дорогу пил пиво и ходил мимо Надежды в туалет, каждый раз с неизменным упорством наступая ей на ногу. И в вагоне было душно, и пахло потом и чесноком, и окна задраены наглухо. И проводница заперлась в своем купе и отлаивалась через дверь, что окна открывать она не будет, а кипятка им не положено, поскольку поезд не ночной. И чей-то ребенок орал все шесть часов без перерыва, так что в конце пути весь вагон дружно мечтал его придушить.

И после такой дороги ее ожидает такой нелюбезный прием!

Первым побуждением Надежды Николаевны было развернуться и немедленно уехать домой, но она вспомнила, что поезд в Козодоеве останавливается только раз в сутки, так что до завтрашнего дня ей все равно никуда не деться.

– Надя, это ты? – донесся наконец из-за двери тот же приглушенный голос. – Ты одна?

Надежда растерялась, не зная, что ответить, но ее провожатый пришел на помощь:

– Одна она, одна, я сейчас уйду!

Он и правда развернулся и удалился прочь по коридору, оставив Надежду в растерянности перед закрытой дверью.

– Заходи! – раздалось наконец из номера.

Надежда толкнула дверь и вошла внутрь.

В комнате, куда она попала, было почти темно. На окнах задернуты плотные шторы, свет не горел. В глубине помещения в кресле угадывалась человеческая фигура.

– Галь, это ты, что ли? – недоумевая, спросила Надежда и взглядела в эту фигуру.

– Я, – ответил голос из темноты. Впрочем, в этом голосе не было уверенности.

– А что вообще здесь происходит? Что это ты в темноте сидишь, никого к себе не пускаешь?

– А-а... – протянул голос из темноты. – Ты меня не видела... увидишь – больше не будешь спрашивать!

Щелкнул выключатель, и на столе вспыхнула настольная лампа под розовым абажуром. В ее неярком свете Надежда Николаевна увидела в кресле свою подругу. Впрочем, узнать Галину было трудно.

Лицо ее было перекошено, как будто Галка чего-то жутко испугалась. Глаза, обычно довольно большие и выразительные, превратились в узенькие заплывшие щелочки. Под глазами образовались огромные темные мешки. Губы ужасно распухли, да к тому же рот искривился. Кроме того, все лицо было жуткого багрово-синего цвета, как будто представляло собой сплошной кровоподтек.

– Боже мой! – Надежда Николаевна не смогла сдержать удивленный вопль. – Что с тобой сделали?

– Ага! – В голосе Галины, как ни странно, прозвучало торжество. – Теперь ты больше не спрашиваешь, почему я сижу в темноте и не выхожу из своего номера!

– Извини, – пробормотала Надежда виновато. – Я не хотела тебя обидеть, само вырвалось.

– Извиняю, – небрежно отмахнулась Галина. – Видела женщину на ресепшен?

– С косой вокруг головы?

– Она самая, Аней зовут. Так вот, когда она меня увидела – вообще в обморок упала.

На этот раз Надежда промолчала. Она боялась опять ляпнуть что-нибудь бестактное. Поэтому Галина заговорила сама.

– Что стоишь? Располагайся. И можешь не произносить никаких воспитательных слов, сама себя ругаю последними словами. Но, понимаешь, как стала я с Игорем ходить всюду на тусовки... Там бабы кругом молодые, красивые. Некоторые меня старше, а выглядят... Думаю – чем же я хуже? А они косятся, смотрят так пренебрежительно, как на букашку какую-то или на вошь.

– Да и наплевать на них!

– Да, тебе легко говорить, ты человек не публичный, – протянула Галка с совершенно непередаваемым выражением, так что Надежда Николаевна порадовалась, что в комнате темно, иначе Галка заметила бы ее гримасу и обиделась.

– Как тебя угораздило? – спросила она. – Врачи напортачили?

– Да нет, доктор очень хороший, Иван Петрович, опытный... Просто это у моего организма такая особенность – аллергия на некоторые препараты. А без них все очень долго заживает.

– Ужас какой! – Надежда решила не щадить Галку. – Это же надо – самой на такое решиться!

– Я же не знала, – возразила подруга. – И потом, Иван Петрович говорит, что все пройдет, только нужно время. Главное – чтобы Игорь не узнал. Если он меня такую увидит – я повешусь!

Надежда промолчала. Она раздвинула занавески, открыла форточку и взялась распаковывать чемодан.

– Ты надолго, Надя? – спросила Галка после того, как смазала лицо какой-то мазью и накапала в глаза капель.

– Послезавтра хочу уехать, – призналась Надежда, – вот выясню, как у тебя дела, пообщаемся, поболтаем, да я и двину до дому. Там Саша один, работает много, устает...

Тут Надежда подумала некстати, что муж не слишком расстроился, узнав о ее отъезде, предвкушая, очевидно, тихие вечера в компании кота. А можно еще друга пригласить, в шахматы поиграть в тишине и покое. Можно за столом газету читать, пить крепкий кофе, да мало ли еще вещей, которые не разрешает делать жена?

– Вот и я тут застряла... – всхлипнула Галка, – а Игореша там совсем один...

– Не реви, – строго сказала Надежда, – делать нечего, нужно ждать улучшения. Что уж теперь, после драки-то кулаками махать. Нужно взбодриться.

– Какая уж тут бодрость... – Галка совсем сникла.

– Так что, ты тут так и сидишь безвылазно в своем номере? – ужаснулась Надежда.

– Да нет, – вздохнула Галка. – Иван Петрович мне велел гулять, дышать свежим воздухом, иначе, сказал, это безобразие очень долго не заживет. Так что я выхожу, но только когда совсем стемнеет. Когда меня никто не увидит... Может, раз уж ты приехала, погуляем вместе? А то знаешь, как надоело бродить в одиночестве, как тень отца Гамлета! Случайные прохожие шарахаются...

– Давай, – согласилась Надежда, – я тоже с удовольствием прогуляюсь.

Ей, конечно, хотелось отдохнуть после дороги, но она решила, что дружба – прежде всего, и раз уж приехала в это захолустье, то надо поддержать подругу.

– Но сейчас еще слишком светло! – проговорила Галина, раздвинув шторы и выглянув в окно. – А пока... извини, ты не могла бы сходить в аптеку? Мне очень нужен спрей для маскировки синяков... Вот тут записано его название!

Она протянула Надежде смятый листочек с неразборчивыми каракулями.

– И почему это у врачей всегда такой плохой почерк? – вздохнула Надежда.

– Ну, так что, сходишь? Или так и будешь в листок пялиться?

У Галки от стресса и сидения в четырех стенах явно испортился характер.

– А зачем я сюда приехала? – огрызнулась Надежда, которую кольнуло вдруг нехорошее предчувствие.

Но она отнесла его за счет дорожной усталости и отправилась в аптеку.

Аптеку Надежда нашла без проблем. Она располагалась на первом этаже типовой бетонной пятиэтажки. Внутри было пусто, только парень с бритым затылком, лениво облокотившись о прилавок, болтал с молодой румяной девушкой-фармацевтом, на налитой фигуре которой едва сходилась форменный белый халат.

– Ты это зря насчет Верки, – говорил парень, растягивая слова. – Если тебе что сказали, так это брехня...

– Ну да, брехня! – недоверчиво отвечала девица. – Я вас сама видела! Ты ее у выхода тискал!

– Да ничего я ее не тискал, там просто тесно было... Ты че, Лариска, ты же ее видела – разве это мой кадр? Да она же страшнее Фредди Крюгера! Я такую не то что тискать – мне с ней одним воздухом дышать, и то неинтересно!

– Девушка, – нетерпеливо проговорила Надежда, протягивая через плечо парня бумажку с названием лекарства. – У вас есть такой спрей? Это от ушибов...

– Тетя, – парень обернулся и неприязненно оглядел Надежду. – Ты че, не видишь, мы разговариваем?

– Вы можете разговаривать в свободное время, а сейчас ваша подруга на работе!

– Ты откуда такая деловая взялась? – процедил парень и сплюнул на пол. – Что-то я тебя раньше в наших местах не наблюдал!

– А что, аптека только для местных? – сухо осведомилась Надежда. – И, кстати, молодой человек, вам никогда не говорили, что с незнакомыми людьми принято разговаривать на «вы»?

– Понаехали тут! – Парень исподлобья уставился на Надежду, но все же отступил на полшага, пропустив ее к прилавку.

– Девушка, – Надежда Николаевна снова обратилась к фармацевту, – так как насчет этого спрея?

– Нет у нас никакого спрея! – ответила девица неприязненно.

– Но вы даже не взглянули на рецепт! – возмутилась Надежда.

– Все что надо, я видела! – огрызнулась девица. – И нечего тут у нас свои порядки устанавливать!

– А начальник у вас есть? – сухо осведомилась Надежда Николаевна.

– Есть, да далеко лезть! – отрезала девица. – Вот, хотите – есть новое средство от геморроя, вам пригодится!

Надежда Николаевна была женщина смелая и решительная. И если ее разозлить, могла держаться твердо. И постоять за себя умела. Но в данном случае она ужасно устала после тяжелой дороги, и не хотелось в незнакомом месте ввязываться в скандал. Тут их еще двое...

Надежда возмущенно фыркнула, развернулась и направилась к выходу.

За спиной она услышала приглушенный издевательский смех сладкой парочки.

К счастью, рядом с пансионатом она увидела круглосуточный магазин, в котором был аптечный киоск, где толковая продавщица средних лет нашла ей нужный спрей.

Вместо Ани за стойкой сидела курносая веснушчатая девчушка. Она углубилась в глянец яркий журнал и даже не поглядела на Надежду Николаевну.

– Вот что, дорогая моя подруга, – сказала Надежда Галке по возвращении, – больше ногой не двину, пока не приму душ и чаю не напьюсь! Сил моих больше нет!

– Конечно, Надя, – Галка обрадовалась спрею и была сама кротость, тем более что тут же явилась к ним Аня и предложила переехать в другой номер – там, дескать, попросторнее и вид из окна лучше.

Вид, и правда, был на парк. Огромные деревья в сумерках были похожи на сказочных великанов. Возле разрушенной усадьбы таинственно горел одинокий фонарь.

Ужин по просьбе Галки принесли в номер. Надежда с опаской попробовала нечто необъяснимое, лежащее на тарелке. Оказалось, ленивые голубцы, причем вкусные. И ватрушка к чаю была свежей, пахла ванилью. Галка, увидев ватрушку, только вздохнула – она с трудом пропихивала в себя только вязкое и жидкое.

После ужина, примирившего Надежду с жизнью, Галка смотрела телевизор, а Надежда попыталась позвонить мужу, но отчего-то не было связи. Она прилегла на кровать и провалилась в сон до утра.

Утром выяснилось, что Галке нужно в клинику на осмотр. Она наскоро проглотила завтрак – пшеничную кашу и какао. Полагалась еще булочка с маком, но у Галки были проблемы с пережевыванием твердой пищи.

Булочка была такой вкусной, что Надежда едва не съела две, в последний момент призывала себя к порядку. Какао она не пила с детства, и сейчас оно ей очень понравилось. Она подумала даже, что неплохо готовить его дома, но вспомнила, что какао на чистом молоке да еще с сахаром – дико калорийный продукт.

Галка достала откуда-то марлевую маску, какую надевают хирурги перед операцией, но явившаяся Аня воспротивилась:

– Пойдете через холл, проживающие увидят – еще всполошатся, что вы заразная, потом неприятностей не оберешься.

– Если они ее без маски увидят, то еще больше всполошатся, – заметила Надежда.

– И я о том же, – поддакнула Галка.

Утром она была полна энергии и не обижалась по пустякам.

В конце концов за небольшую мзду Аня согласилась провести Галку по служебной лестнице. А там Василий Верленович машину подгонит прямо к дверям, авось никто не заметит.

Они ушли. Надежда причесалась и подкрасила губы, радуясь, что не пришла ей в голову дикая мысль обратиться к пластическому хирургу. Сидела бы теперь с такой рожей, как у Галки, из дому не выйти, да еще неизвестно, что будет, когда все заживет. Вполне возможно, что собственный муж не узнает...

Утро было чудесным. Надежда решила не тратить времени зря, а прогуляться в отсутствие подруги по городу, при свете и солнышке. Посмотрит на парк, воздухом подышит...

– Хорошей прогулки! – проводила ее Аня широкой улыбкой.

Коса ее по утреннему времени не была обернута вокруг головы, а свободно змеилась вдоль спины.

Надежда прошла вдоль полуразрушенной парковой ограды и оказалась возле калитки. Собственно, от этой калитки остались только два каменных столба, увенчанных какими-то диковинными птицами. Должно быть, сама калитка была кованой, чугунной, и ее давно уже сдали на металлолом местные умельцы.

Сразу за калиткой начиналась тропинка, уходящая в глубь парка, и Надежда решительно ступила на нее.

Едва она вошла в парк, ее окружили тонкие и терпкие запахи – запах осенней листвы, влаги и увядания, запах прежней, давно ушедшей и забытой жизни.

Надежда шла по тропинке, шурша листьями, и представляла, каким был этот парк, допустим, сто лет назад.

По этим дорожкам и аллеям прогуливались дамы в широкополых шляпах, барышни в кисейных платьях, мужчины в светлых костюмах и лайковых перчатках... По таким же осенним листьям пробегали борзые и охотничьи собаки...

В кустах зашуршало, и на тропинку перед Надеждой Николаевной выбежал красивый черно-белый спаниель.

На какое-то мгновение Надежде показалось, что таким образом материализовались ее мысли о прошлом, она даже закрыла на секунду глаза и снова их открыла...

Спаниель никуда не делся. Он стоял перед Надеждой, приветливо виляя хвостом.

– Маркиз, не приставай к прохожим! – донесся из-за кустов приятный мужской голос, и на тропинку вышел, опираясь на трость, немолодой мужчина в светлом плаще и старомодной шляпе. Надежда вспомнила, что уже видела этого человека, когда проезжала мимо парка сразу по прибытии в Козодоев.

В наши дни встреча с незнакомым мужчиной в пустынном парке может быть небезопасной, но этот мужчина, как и его спаниель, с первого взгляда вызвал у Надежды доверие.

– Он не пристаёт, – улыбнувшись незнакомцу, проговорила Надежда. – Он просто подошел познакомиться.

– Ну и как? – спросил мужчина. – Познакомились?

– Ну, я теперь знаю, что его зовут Маркиз. А меня – Надежда Николаевна...

– А меня – Сергей Сергеевич, – представился мужчина и старомодным жестом приподнял шляпу.

Доверие, которое с первой секунды почувствовала к нему Надежда Николаевна, упрочилось.

– Хорошее имя – Надежда! – проговорил ее новый знакомый, приближаясь. – Не слишком распространенное, а главное – оптимистичное. Надежда – это последнее, что остается с нами в любых испытаниях... Вы ведь недавно в нашем городе?

– Только вчера приехала.

– И как он вам? – В голосе Сергея Сергеевича прозвучала интонация, какая бывает у любящих родителей, когда они говорят о своем болезненном, но горячо любимом ребенке.

– Ну, честно говоря, первое впечатление было не очень благоприятным, – призналась Надежда. – Но когда я увидела парк, это меня со многим примирило...

– Да, – оживился мужчина. – Это замечательный парк! Он почти без изменений сохранился с начала XIX века! Конечно, усадьба сильно пострадала, но сам парк, его планировка почти такие же, как двести лет назад!

– Да что вы говорите? – Надежда недоверчиво оглядела окружающие деревья. – Что, всем этим деревьям по двести лет?

– Нет, конечно, – Сергей Сергеевич скромно улыбнулся. – До революции его поддерживали, чистили, вовремя заменяли состарившиеся деревья, и потом, когда закончилась Гражданская война и жизнь вошла в колею, здесь жил один энтузиаст, который следил за парком... В последние годы его, конечно, запустили, но пока все еще можно привести в порядок. Если, конечно...

– Если что? – переспросила Надежда, расслышав в голосе собеседника грустную интонацию.

– Если его не вырубят.

– Зачем же его рубить? – удивилась Надежда Николаевна и заботливо прикоснулась к морщинистому стволу старого дуба. – Кому он мешает?

– Не то чтобы мешает, – Сергей Сергеевич поморщился. – Как всегда, здесь замешаны деньги. Очень большие деньги. Через наш город пройдет скоростная дорога, так вот кому-то оказалось выгодно провести ее прямо через парк.

– Как жаль! – Надежда вздохнула и огляделась по сторонам.

Она словно заново увидела увядающую красоту старого парка, почувствовала наполняющий его аромат прошлого. Сквозь деревья проглядывали желтоватые стены усадьбы.

– Жаль! – согласился с ней мужчина. – А вы сюда надолго? У вас здесь родственники?

– Нет, ненадолго. Может быть, на несколько дней... Родственников у меня здесь нет, я приехала к подруге...

Надежда подумала, что нет смысла рассказывать все подробности своего визита этому незнакомому человеку, и так она ему рассказала слишком много.

– Действительно, будет очень жаль, если не станет этого парка, – проговорил Сергей Сергеевич напоследок. – Ведь вы совершенно правы, без этого парка наш город лишится своего лица!

– А что, это имение действительно называлось Державино? – спросила Надежда Николаевна, вспомнив слова водителя, который привез ее с вокзала в пансионат. – Оно каким-то образом связано с Гавриилом Романовичем Державиным?

– Ну, в каком-то смысле связано, – улыбнулся ее собеседник. – В начале XIX века имение принадлежало Петру Степановичу Державину, внучатому племяннику поэта. Существует предание, что знаменитый дядя несколько раз приезжал сюда, гостил подолгу и что именно в этом парке он написал свое знаменитое стихотворение «Приглашение к обеду». Там есть такие слова:

...стерлядь золотая,
Каймак и борщ уже стоят;
В графинах вина, пунш, блистая
То льдом, то искрами, манят...

По этим стихам мы видим, что племянник принимал дядю с традиционным русским гостеприимством...

– Так только ради этого стоит сохранить парк и имение! – воскликнула Надежда Николаевна.

– Я-то с вами согласен, – вздохнул Сергей Сергеевич. – Но, сами знаете, когда замешаны большие деньги, все остальные соображения отходят не то что на второй – на десятый план... Маркиз, брось сейчас же эту гадость! Что я тебе сказал!

Последние слова Сергея Сергеевича относились, разумеется, к спаниелю, который откопал в опавших листьях дохлую крысу и умчался с ней в кусты. Хозяин бросился за ним следом, на прощание махнув рукой Надежде Николаевне. Она проводила его взглядом и отправилась домой... то есть в пансионат.

Ей было грустно – жаль парка, этих деревьев, которые помнили Гаврилу Романовича Державина, жаль всей атмосферы тихого запустения. С другой стороны, скоростная магистраль – это прогресс, сонный город встряхнется и обновится.

И все равно жаль парка...

Возвращаясь в пансионат, Надежда проходила мимо той самой аптеки, где ей накануне нахамили. На тротуаре перед аптекой стояло несколько человек, среди которых Надежда Николаевна узнала вчерашнюю хамоватую девицу-провизора. Она была заплакана и визгливым, истеричным голосом оправдывалась перед красной от злости теткой средних лет, по всей видимости, хозяйкой аптеки.

– А я что, Марьсерегвна? Я разве что могу? Что мне, гоняться за ними? Я не могу свое место покидать! Я не охранник! На мне материальные ценности!

– Ах, за ними? Значит, ты их все-таки видала?

– Да никого я не видала! Только мне и дела, что смотреть! Я не охранник, я провизор!

– Из твоей зарплаты вычту! – орала тетка. – Все до копейки мне возместишь! Знаешь, сколько это стекло стоит?

Надежда взглянула на аптеку и увидела, что большое витринное окно вдребезги разбито.

– Вычтете? – взвизгнула девица. – Да из чего там вычитать! Вы мне, Марьсерегвна, такие гроши платите, что стыдно про это говорить! Уборщица, и та больше получает!

– А ты больше не нарабатываешь! – гудела хозяйка. – Только и знаешь, что с парнями лясы точить! Как твоя смена, так никакого оборота! Больше на электричество уходит, чем ты наторгуешь! А тут еще за стекло это платить придется...

– А я вам говорила, Марьсерегвна, – наймите охранника! В каждой приличной аптеке охранник полагается... свое место покидать не могу, на мне материальные ценности...

– Еще и охранника тебе! – вызверилась хозяйка. – Мало тебе твоих дружков? Они у тебя все хулиганы известные! Женщина, а вы что смотрите? Вы почему интересуетесь?

Последние слова относились к Надежде, которая остановилась, разглядывая разбитую витрину.

– Вот вы, к примеру, в эту аптеку заходили? Имеете на этот счет свое особое мнение? – продолжала хозяйка, найдя в лице Надежды нового собеседника.

– Заходила, вчера вечером... – отозвалась Надежда. – Лучше бы я этого не делала... Ничего, кроме хамства, я тут не нашла...

– Ага! – обрадовалась хозяйка и снова повернулась к подчиненной: – Вот и женщина того же мнения, что тебя пора гнать! Только прежде ты мне это стекло компенсируешь!

– Подумаешь, женщина! – отлаивалась девица. – Это еще надо разобраться, кто кому нахамил... И кто такая эта женщина, тоже надо разобраться... Я ее тут вообще никогда не видала! Может, это как раз она стекло...

Надежда Николаевна вовсе не собиралась вмешиваться в конфликт совершенно незнакомых людей, но слова наглой девицы возмутили ее до глубины души.

– Что?! – воскликнула она, побелев от гнева. – Я – стекла бью? Да вы, девушка, в своем уме? Да вы вообще думаете, что говорите? Это, может быть, ваш бритоголовый приятель руку приложил! Вы с ним вчера явно не ладили!

– Ага! – оживилась хозяйка. – Значит, снова вчера у тебя Валерка ошивался? Я тебе сколько раз говорила, чтобы его близко не было? Все, мое терпение кончилось!

– Ничего он не ошивался! – визжала девица. – У него такой привычки нет, чтобы ошиваться! Все она врет, эта тетка! И ничего ей Валера не сделал, и даже слова не сказал! Она сама кому хочешь нахамит! Она сама первая стала права качать!..

– Ах ты зараза! – вскипела Надежда Николаевна, но внезапно опомнилась.

Что она здесь делает? Почему выслушивает эти idiotские обвинения? Почему ввязалась в чужой скандал?

Она развернулась и быстро зашагала к пансионату.

Возле здания пансионата появились высокие самодельные леса или скорее козлы, сколоченные из досок. На этих козлах молодой маляр в заляпанном комбинезоне красил стену оптимистичной розовой краской. Когда Надежда Николаевна проходила мимо, он зацепил ведро с краской ногой, ведро грохнулось на землю, краска выплеснулась во все стороны розовым фонтаном. На тротуаре образовалось небольшое розовое озерцо, и даже кусты по сторонам дорожки покрылись гламурными розовыми разводами. Надежда удивительно ловко успела отскочить и остановилась в сторонке, осматривая одежду.

Кажется, обошлось, юбка была в порядке, только на правой туфле появилась небольшая розовая клякса. Надежда подумала, что с туфли краску можно оттереть одеколоном или жидкостью для снятия лака и что она еще легко отделалась.

Вдруг сверху на нее заорали:

– Чего стоишь, ворона?

– Это вы мне? – Надежда удивленно задрала голову и уставилась на маляра.

– Тебе, а кому же еще? Ходят тут всякие, а если не дай бог что – кому отвечать? Мне отвечать!

– Да вы что, молодой человек? – проговорила Надежда Николаевна с обидой. – Вы же на меня ведро уронили – и вы же мне недовольство высказываете?

– А ты почему ходишь где не положено? Ежели здесь ведутся работы, значит, опасная зона, нечего тут ходить!

– А если опасная зона, так нужно ограждение ставить! – возмущенно воскликнула Надежда. – Нет, ну это надо же! Что за город такой – на каждом шагу на хамство нарываешься! А еще говорят, что в провинции люди лучше, воспитаннее!

Она опасливо обошла козлы по широкой дуге и скрылась в дверях пансионата.

Галка вернулась с осмотра недовольная. Вернее, недоволен был ее доктор, Иван Петрович.

– Сказал, что у меня ослабленный организм, – заявила Галка едва ли не с гордостью, – очень, говорит, вы устали, очень переутомлены, оттого и осложнения. А я и думаю – ведь верно, всю жизнь на мне все ездили! Все, кому не лень...

– Долго тебе еще? – поинтересовалась Надежда.

– Если не буду в точности выполнять его предписания, то долго! – вздохнула Галка.

– Так ты вроде и так только и делаешь, что с собой возишься. – Надежда не смогла скрыть недовольства.

– А Иван Петрович сказал, что этого мало! – капризно заявила Галка. – Иван Петрович сказал, раз я не могу принимать заживляющие препараты, то нужно больше гулять на свежем воздухе и витамины получать естественным путем.

– Это как? – не врубилась Надежда.

– Питаться лучше, – снисходительно объяснила Галка.

– Господи, да кормят в этом пансионате на убой! – воскликнула Надежда. – Вот скоро обед...

– Что там обед – суп с фрикадельками да сосиски с гречневой кашей! – Галка замахала руками. – Мне фрукты нужны! Соки натуральные, пюре фруктовые...

– Ты хочешь сказать...

– Ну да. Надя, сходи на рынок, а? – Галка все же не совсем оскотинилась, и в голосе ее зазвучали просительные нотки. – Тут совсем недалеко, у Ани спросишь, как дойти. Купи яблок, груш, персиков и бананов. Нет, бананов, пожалуй, не надо, от них толстеют. Еще апельсинов, соковыжималку ручную для цитрусовых и терочку, я же не могу жевать.

«А полы тебе помыть не надо?» – злобно подумала Надежда, из последних сил удерживая лицо.

Вся эта история с Галкой начинала ей здорово надоедать. Мелькнула мысль позвонить Игорю, сказать, что с Галкой все плохо. Пускай он приезжает и сам с ней возится, разбирается с ее капризами. Но по здравому размышлению Надежда эту мысль пока отложила – не хотелось терять друзей, а Галка ведь и вправду после такого Надеждиного поступка рассорится с ней навсегда.

– Ладно, схожу, – сказала она, неохотно поднимаясь, – как раз до обеда успею.

Аня подробно объяснила ей, как дойти до рынка, Надежда прихватила объемистую сумку в цветочек и пошла.

Она осторожно открыла дверь пансионата и высунула голову для обозрения окрестностей на предмет падающих ведер с краской и хамских маляров. На этот раз все обошлось – козлы были сдвинуты к стене, ведро стояло рядом, аккуратно прикрытое картонкой, очевидно, маляр ушел на обед.

Погода была по-прежнему отличная, Надежда пожалела даже, что надела куртку. Солнце светило как летом, деревья золотились в его свете и сами почти сияли оставшейся листвой. Вместо Державина вспомнился Пушкин про осень: «Унылая пора, очень очарованье...»

Рынок был небольшой, но шумный. Смуглые дети гор и степей торговали там румяными крепкими яблоками, золотистыми наливными грушами, полосатыми арбузами и неправдоподобно длинными дынями. У Надежды разбежались глаза, а нос тут же одурел от запаха. Фрукты, зелень, пряности, гортанные выкрики... Если закрыть глаза, то можно подумать, что ты на восточном базаре.

Рынок был открытый, но сбоку примыкали к нему несколько небольших магазинчиков. Надежда Николаевна увидела хозяйственный и решила, пока налегке, зайти, чтобы купить терку, нож и еще кое-что необходимое.

Внутри магазинчик оказался довольно большим, у кассы сидела румяная девица с таким высоким бюстом, что Надежде невольно вспомнился монолог актрисы Дорониной из старого фильма: «У меня был медальон. Так вот он не висел на моей груди. Он лежал горизонтально...»

– Что хотели? – Девушка подняла глаза и улыбнулась, при этом на румяных щеках появились симпатичные ямочки.

Надежда стала перечислять, сбилась, отвлеклась на симпатичные льняные полотенчики, там были вышиты рыжие коты.

– Вы ходите, посмотрите, – предложила продавщица, – может, еще что пригодится.

И Надежда пошла по рядам. Нашлись и нужный нож, и терка, и еще очень славная пластмассовая мисочка для кота Бейсика, и миленькая занавесочка – на дачу, старую давно пора выбросить.

Только она собралась выйти к кассе, как в магазине раздался знакомый наглый голос. Надежда осторожно выглянула из-за стеллажа с посудой – так и есть, рядом с кассой прочно обосновался вчерашний Валера, тот, что болтал с аптекаршей и нахамил Надежде ни за что ни про что.

– Слышь, Верка, – лениво цедил он слова, – если ты насчет Лариски, то зря... У меня с ней ничего серьезного.

– Ага, – посмеивалась продавщица, – она сама говорила, что вы к новому году женитесь...

– Жениться? – неподдельно удивился Валера. – На ней? Да она же крокодил, страшнее атомной войны! И ноги кривые! И зубы торчат, как у вампира!

– Ты про всех так говоришь, – стояла на своем продавщица, – про меня тоже гадости разные. Ты уж, Валерочка, определись, кто тебе больше подходит. Лариска – девка скандальная, я не хочу, чтобы она мне на дискотеке волосы выдирала.

– Да вот те крест святой – я к ней больше и не подойду! – жарко поклялся Валерка.

– Ой, что-то не верится! – зло засмеялась Вера.

– А ты поверь. Я к ней чего ходил, к Ларке-то? – заговорил Валерка. – Потому что она в аптеке работает. И нужным людям могла помочь с таблетками. А теперь ее из аптеки хозяйка вытурила, так на кой черт она мне нужна?

– Вот оно как... – вздохнула Вера, – а ко мне чего ходишь? С моего товара тебе никакой пользы.

– Это точно, – хохотнул Валерка, – стало быть, я к тебе с личным интересом.

– Ой, да ладно! – отмахнулась Вера. – От твоего интереса мне ни жарко ни холодно.

– Зря отмахиваешься, – серьезно заметил Валерка, – я ведь не простой человек. Я человек со связями, а связи в нашей жизни – первое дело, даже первее денег...

– А то я не знаю, с кем ты ошиваешься! – вскипела Вера. – Толку от тебя никакого, только в историю какую-нибудь впутаешь! Уходи отсюда, мне работать надо!

В это время у Валеры из кармана послышалось кряканье мобильного телефона. Он послушал с серьезным лицом и вышел, не кивнув даже Вере на прощание.

Надежда Николаевна подождала еще пять минут и решила выйти. Вера была в дурном настроении, так что пробила молча товар и бросила на прилавок сдачу.

Надежда накупила еще фруктов и еле дотащила до пансионата тяжеленную сумку.

В холле царило необычное оживление.

На диванчике под искусственной пальмой возлежал молодой парень в заляпанном краской комбинезоне, в котором Надежда узнала давешнего хамоватого маляра – того самого, что уронил чуть не прямо на нее ведро с розовой краской. Маляр громко стонал, а вокруг него суетились курносая дежурная Лида, повариха Софья Степановна и еще две женщины из obsługi пансионата.

– Потерпи, Витенька! – уговаривала Лида страдальца. – Сейчас «Скорая» приедет, сделают все что надо!..

– Ой, какая боль! – восклицал маляр, закатывая глаза к потолку. – Сил нет терпеть! Знаю я эту «Скорую», они небось по дороге к Нинке Сазоновой заехали, у нее с Виталием любовь! Когда Колю Смородина собака покусала, тоже «Скорую» вызвали, так она только на третий день приехала! Ой, как больно!

– Что с ним случилось? – вполголоса спросила Надежда Николаевна знакомую горничную.

– С козел свалился, – ответила та, искоса взглянув на Надежду. – Хорошо, невысоко падал...

– Тебе бы так невысоко упасть! – отозвался маляр, отличавшийся, судя по всему, отличным слухом. – Обе ноги, наверное, сломал и руку правую! А главное, мозги у меня сотряслись, а это не шутки! Как я теперь работать буду?

Он заметил среди толпы сочувствующих Надежду и проговорил капризным и раздраженным голосом:

– Это вот она! Не иначе, она!

– Что?! – удивленно переспросила Надежда Николаевна. – Я-то тут при чем?

– Небось пожелаала мне плохого, вот леса и подломились! Сразу видно, что у нее глаз нехороший!

– Знаете что! – фыркнула Надежда.

Окружающие женщины, однако, посмотрели на нее с заметным неодобрением.

В это время дверь пансионата распахнулась, и в холл вошел быстрой походкой молодой врач в крахмальном халате, а за ним – рослый санитар с носилками.

– Так, где у нас пострадавший? – проговорил врач, потирая руки.

– Я пострадавший! – подал голос маляр. – Все себе переломал, и сотрясение мозгов получил в придачу.

– Чего, говоришь, сотрясение? – переспросил врач, подходя к нему. – Мозгов у тебя в жизни не было! Сколько пальцев видишь?

Он растопырил перед больным два пальца.

Маляр секунду подумал и все же ответил правильно.

Врач посветил ему в глаз маленьким фонариком, еще поводил перед лицом рукой и уверенно проговорил:

– Сотрясения мозга у тебя точно нет. Сейчас проверим насчет остального.

Он наклонился над маляром, ощупал его руки и ноги и повернулся к санитару:

– Поставь пока носилки, поможешь мне. Госпитализация здесь не понадобится.

– Как это не понадобится? – возмутился маляр. – У меня все руки-ноги переломаны!

– Ничего у тебя не переломано, ноги вообще целы, только ушибы и растяжения, а рука вывихнута. Но мы ее сейчас вправим.

– Как вправим? Зачем вправим? Без наркоза? – перепугался маляр и попытался встать с дивана.

– Лежать! – строго прикрикнул врач. Он мигнул санитару, тот схватил пострадавшего за плечи, врач потянул его правую руку и сильно дернул.

Маляр взвыл, побледнел и без сил откинулся на диван.

– Готово! – объявил врач, ловко пристраивая вправленную руку на перевязь. – Зайдешь потом, я тебе ушибы обработаю.

– А как насчет больничного? – Маляр приподнялся на локте. – Это, между прочим, производственная травма, так что мне, сто процентов, положено.

– С этим еще разбираться нужно, – помрачнел врач. – Я когда сюда шел, на эти козлы взглянул, с которых ты свалился. Так там, между прочим, одна опора подпиlena.

– Это ты что же хочешь сказать? – забеспокоился пострадавший. – Ты что, думаешь, что я сам ее подпилил?

– Я ничего такого не думаю. Только я о твоих козлах должен в полицию сообщить, а они там пускай сами разбираются.

– Значит, покушение на меня! – воскликнул маляр. – Этот, как его, террористический акт!

– Да кому ты нужен, – хмыкнул врач и покинул пансионат.

– Во, слышали? – Маляр обвел глазами присутствующих. – Как с покалеченным человеком обращаются! У меня, может, перед глазами все плывет, я встать не могу!

Тут в холл вбежала запыхавшаяся Аня. Коса ее растрепалась и развевалась сзади.

– Что у вас стряслось? – спросила она Лиду. – Что ты звонила-то?

– Да вот... – Лида кивнула на диван.

– Это ты чего на новый диван завалился? – с ходу заверещала Аня. – Да он дороже тебя в десять раз стоит! Весь в грязи как свинья, а туда же! И ты меня из-за этого вызвала? – набросилась она на Лиду.

– Я думала, он ногу сломал... – слабо отбивалась та.

– Да ничего он не сломал, я доктора встретила! – орала Аня. – А вы что вылупились? Мигом тут прибрать, и пошли на рабочие места! Хозяин завтра приедет – всем вломит! А мне первой – за то, что не уследила! Пошел вон с дивана!

Она даже замахнулась на маляра полотенцем, которое принесла доверчивая Лида, чтобы обтереть лицо раненого. Тот встал, кривясь, и потащился к выходу, демонстративно хромя на обе ноги.

– Врачи называется, – хмуро ворчал он, – должны пострадавшего на «Скорой» до больницы довезти! А он говорит – сам придешь... А если я идти не могу?

– Иди-иди, – крикнула ему в спину Аня, – все равно никакой с тебя работы. Неделю на своих козлах проваландался – ничего толком не покрасил. Ох, влетит мне завтра! А вы что хотели? – с неудовольствием обратилась она к Надежде.

Надежда отвернулась и собралась идти к себе в номер, но спохватилась, что не видит рядом сумки с фруктами. Она развела руками и сообразила, что сумка осталась на улице перед входом. Надежда поставила ее на ступеньки, чтобы передохнуть, а потом отвлеклась на суматоху с пострадавшим маляром. Никогда на нее не находила такая забывчивость, это уж чересчур.

Сумка стояла там же, никто не польстился. Надежда наклонилась к ней, а когда разогнулась, то нос к носу столкнулась с Валерой. То есть буквально столкнулась, впилившись носом ему в плечо.

– Смотреть надо, куда идете! – прошипела она сердито.

Манеры у Надежды Николаевны в этом городе сильно ухудшились. Видимо, хамство заразительно. Носу было больно. Валера, однако, не стал скандалить. Он отвел глаза и буркнул что-то неразборчивое, но явно нелестное, а сам поскорее нырнул в сторону. Надежда поглядела ему под ноги. Показалось ей или нет, что один ботинок у него был вымазан в розовой краске?

Галка встретила ее радостно, хотя обед давно остыл. Надежда с отвращением откусила холодную резиновую сосиску и поморщилась. Вот за какие грехи ее бог наказывает такой бурдой?

– Надь, ты извини, давай фруктов поедим, – виновато сказала Галка.

– И то верно, – повеселела Надежда, – для здоровья полезней!

Остаток дня прошел спокойно. Надежда ела груши и яблоки и читала детектив, завалившийся в тумбочке. Детектив был без начала, но это все же лучше, чем без конца. И только было она собралась лечь пораньше, как Галка запросилась на прогулку.

– Ну, идем, – вздохнула Надежда, – а то ты и правда зачахнешь. Только недолго.

Галина надела темный плащ с высоким воротником, закрывающим нижнюю часть лица, как у грабителя банков, да еще обмоталась шарфом, так что остались видны только глаза. После этого взглянула в зеркало и тяжело вздохнула:

– Ничего не помогает! Душераздирающее зрелище! Мне остается только ходить в парандже!

– Галка, прекрати стонать! – оборвала ее Надежда. – Ты мне напоминаешь ослика Иа из мультфильма. Вспомни, какая ты всегда была живая, жизнерадостная! От тебя можно было мобильники заряжать!

– Так это когда было! – отмахнулась Галина и взяла сумку.

– А сумка тебе зачем? – недоуменно спросила Надежда. – Мы же идем всего лишь на прогулку!

– Ну как же! У меня здесь только самое необходимое: тональный крем, тот самый спрей для маскировки синяков, который ты купила, увлажняющие салфетки, компактная пудра, расческа, зеркало...

– Зачем тебе зеркало? Ты что, мазохистка? И потом, на улице темно, – Надежда заглянула в Галкину сумку. – Паспорт-то тебе зачем? Его уж точно выложи, ночью он тебе не понадобится.

– Паспорт ладно. Но ключ от номера я обязательно возьму!

С этим Надежда не стала спорить, и подруги вышли из номера.

Проходя мимо ресепшен, Галина как можно выше подняла воротник и отвернулась.

– На прогулочку? – осведомилась вновь заступившая Аня.

Была она спокойна и доброжелательна, коса аккуратно уложена вокруг головы. Аня улыбнулась и напутствовала их заботливо:

– Смотрите, осторожнее, по вечерам здесь хулиганья хватает!

Подруги вышли на улицу.

В сентябре темнеет рано, и городок уже давно погрузился в глухой осенний мрак, который рассеивал только свет из окон пансионата. Кое-где светили тусклые фонари, но они освещали только маленький пятячок пространства, за пределами которого темнота становилась еще гуще и непроницаемее.

Чуть в стороне от пансионата светилась призрачным светом стекляшка круглосуточного магазина, похожая на аквариум с экзотическими рыбами. Возле нее толкалась небольшая группа молодежи, видимо, решая, куда направиться.

Галина резко свернула в другую сторону – даже в темноте она хотела избежать любых встреч с людьми.

Пройдя пару кварталов, подруги оказались у ограды старого парка.

Воздух сразу стал свежее и вкуснее, в нем запахло палой листвой и грибами. Мощные купы деревьев казались в темноте сгустками еще более густого мрака. Изредка по ним пробегал порыв ветра, и деревья оживали, испуская глухой печальный вздох.

Надежда подняла голову и увидела над собой в разрывах стремительно бегущих туч горстки серебряных звезд.

– Хорошо! – проговорила она взволнованно. – В большом городе и неба-то не увидишь!

– Это тебе только с непривычки здесь нравится, – проворчала Галина, кутаясь в шарф. – За неделю знаешь, как все осточертеет! И вообще этот парк скоро вырубят.

– Вырубят? – расстроилась Надежда. – Да кому же он помешал? Ах да, мне уже говорили...

– Кажется, дорогу здесь будут...

Галина не успела договорить, потому что таинственная тишина ночи внезапно раскололась, разорвалась, как холст, ее разрушил оглушительный рев, и из темноты вырвалось огромное чудовище с единственным ослепительно пылающим глазом. Надежда не сразу поняла, что это мотор, а одноглазое чудовище – несущийся на них, ревуший, рыкающий мотоцикл.

– Берегись! – вскрикнула Надежда Николаевна и потащила подругу в сторону. Галина же от ужаса впала в совершенное оцепенение. Сдвинуть ее с места оказалось труднее, чем памятник Порфирию Камчадалову на привокзальной площади.

Надежда уже думала, что в следующую секунду мотоцикл собьет их с ног и расплющит в лепешку, точнее, в две лепешки – но тот в самый последний момент притормозил и слегка изменил направление, промчавшись меньше чем в полуметре от оцепеневших подруг.

Однако Надежда не успела осознать, что чудом избежала гибели, и порадоваться этому несомненному успеху. Проезжая мимо них, мотоциклист протянул руку, схватил Галинину сумку и дернул на себя. Галина попыталась ее удержать, но силы были явно не равны, и сумка оказалась в руке мотоциклиста.

Надежда успела разглядеть эту руку, затянутую в глянцевою черную кожу, и черную куртку, и круглый блестящий шлем, из-за которого мотоциклист был похож на инопланетянина или на какое-то таинственное существо, порождение осенней ночи. В следующую секунду мотоцикл снова громко взревел и умчался в темноту. Надежда посмотрела ему вслед и успела разглядеть надпись на спине куртки, сделанную на черном фоне крупными белыми буквами: «Ангел ада».

Снова наступила тишина, нарушаемая только печальными вздохами листвы в парке.

Подруги стояли в полной растерянности, оглядываясь по сторонам и пытаясь понять, не померещился ли им ночной мотоциклист.

Однако сумки у Галины не было, что доказывало несомненный факт события.

– Погуляли! – проговорила, придя в себя, Надежда и засмеялась – видимо, так нашел выход только что перенесенный стресс.

– Смеешься? – обиженно отозвалась Галина. – Не вижу ничего смешного! Что мне делать без сумки?

– Ну, во-первых, все могло закончиться еще хуже. Представляешь, мы бы сейчас валялись тут на дороге с переломанными руками и ногами! Во-вторых, в сумке у тебя не было ничего особенно ценного, слава богу, паспорт мы выложили. И, в-третьих, – не обижайся, я вовсе не над тобой смеюсь, это чисто нервный смех... И пойдем скорее домой... то есть в пансионат.

– Да, а ключ от номера... – ныла Галина, но все же зашагала следом за подругой обратно к дому.

Войдя в двери пансионата, Галина попыталась было снова незаметно проскользнуть мимо дежурной, но вовремя сообразила, что у нее нет ключа, и остановилась.

Аня, увидев подруг, всплеснула руками:

– Что с вами случилось?

Надежда бросила взгляд в большое зеркало и увидела, что они обе забрызганы грязью и растрепаны, как будто все же не избежали столкновения с мотоциклом.

– На нас напали! – воскликнула Галина истерически. – Нас ограбили! Нас чуть не убили!

– Правда? – переспросила Аня, и в ее глазах, кроме сочувствия, мелькнула искорка живейшего интереса. Видимо, у них и правда редко что-нибудь случалось, и каждое событие было на вес золота.

– Ну, не то чтобы ограбили, – попыталась спустить на тормозах Надежда Николаевна. – Но сумку у Гали вырвали... Какой-то тип на мотоцикле, весь в коже – знаете, из этих, то ли рокеров, то ли байкеров...

– В черной кожаной куртке? – раздался рядом озабоченный мужской голос.

Надежда Николаевна обернулась и увидела невысокого плотного мужчину лет пятидесяти с ежиком коротко стриженных седоватых волос. Судя по тому, как опасливо оглянулась на него Аня, это и был тот самый хозяин пансионата, который приехал не завтра утром, а сегодня вечером, и сделал это не случайно, а намеренно, чтобы его подчиненным жизнь раем не казалась.

– Ну да, в черной куртке, – подтвердила она. – На ней еще надпись белыми буквами...

Она не успела сказать, какая именно надпись, потому что мужчина произнес это за нее:

– «Ангел ада»?

– Точно!

– Ну, так это Юрка!

– Точно, Юрка! – поддержала его дежурная. – Юрка Костоломов, больше никому!

– Ну, доиграется он! – с угрозой проговорил мужчина. – Совсем с цепи сорвался, подонки! Вы в полицию обязательно сообщите, пускай с ним разберутся!

На протяжении всего разговора Галина куталась в шарф и пряталась за спину Надежды Николаевны. Сейчас она не выдержала и подала голос из своего укрытия:

– Завтра! Завтра подадим, а сейчас мы хотим отдохнуть! Дайте нам дубликат ключа...

– Завтра так завтра, – согласился мужчина.

Дежурная выдала Надежде запасной ключ, и подруги отправились в свой номер.

Спала Надежда Николаевна ужасно.

Во-первых, ей мешала заснуть удивительная, непривычная провинциальная тишина.

Дома, в Петербурге, Надежда вечно жаловалась на городской шум – на доносящиеся из-за окна звуки проезжающих машин и автобусов, на вой случайно включившейся автомобильной сигнализации, на сирену «Скорой помощи», мчащейся по ночным улицам по вызову какого-то несчастного, на звуки выхлопов и прочие шумы. Но тем не менее она прекрасно засыпала под все это звуковое сопровождение, а здесь сама тишина действовала ей на нервы.

Когда же она все-таки проваливалась в сон – ей тут же мерещился несущийся прямо на нее грохочущий мотоцикл, и Надежда просыпалась в холодном поту.

Наконец уже под утро она смогла заснуть, но вскоре проснулась от бьющего в глаза солнца.

– Надо же, какая погода хорошая! – проговорила Надежда, приподнявшись в кровати и увидев возле окна Галю в длинной ночной рубашке.

– Не вижу ничего хорошего! – проворчала Галина, плотнее задергивая шторы. – Все равно мне нельзя из номера нос высунуть. В плохую погоду хоть не так обидно!

– Ого, как мы разоспались! – удивилась Надежда, глянув на часы. – А что, завтрак еще не приносили?

Ей отчего-то зверски хотелось есть.

– Нет, – тоже удивилась Галка. – Да и ну их с этим завтраком, у меня все равно аппетита нет.

Увидев голодный блеск в глазах подруги, она смутилась:

– Да ты не переживай, с голоду не умрем. Я сейчас позвоню вниз, принесут.

Она сняла телефонную трубку, поднесла ее к уху и удивленно замолчала.

– Не работает! – произнесла наконец. – Надь, может, ты сходишь вниз и попросишь, чтобы принесли завтрак? Мне неудобно тебя гонять, но с моим лицом...

– Конечно, схожу! – Надежда облачилась в тренировочный костюм и спустилась на первый этаж.

На ресепшен сидела все та же Аня. Вид у нее был заспанный, глаза припухли, коса растрепалась.

– Что-то у нас в номере телефон не работает! – пожаловалась Надежда. – Я вообще-то хотела заказать завтрак... А вы все еще дежурите?

– Да вот сейчас меня должны сменить, – ответила дежурная, позевывая, – вам омлет или сырники?

Ответить Надежда не успела: входная дверь распахнулась, и в холл влетела молодая женщина с выпученными глазами и растрепанными светлыми волосами.

– Там... – проговорила она, подскочив к стойке, и замахала руками, как мельница крыльями, – там...

– Да что с тобой случилось-то, Нина? – недовольно осведомилась дежурная. – Мало того что опоздала, так еще выглядишь так, будто привидение увидела!

– Хуже! – с трудом выдавила растрепанная блондинка и снова замахала руками.

– Беда с тобой! – Дежурная вышла из-за стойки, налила в стаканчик холодной воды из кулера и плеснула на девушку. Ту передернуло, зато глаза ее стали более осмысленными.

– Ну, что с тобой случилось-то? – раздраженно спросила дежурная.

– Со мной – ничего! – отозвалась блондинка. – А вот с ним...

– Слушай, ты можешь нормально говорить?

– Сама посмотри!

Аня покачала головой и подошла к двери. Надежда Николаевна устремила следом и, как только дверь распахнулась, выглянула через плечо дежурной.

На улице было солнечно и очень тепло для конца сентября. На клумбах возле пансионата еще цвели поздние астры и хризантемы. И возле одной из клумб, прямо напротив двери, сидел, привалившись к мотоциклу, человек в кожаной куртке и черном блестящем шлеме.

В первый момент Надежда Николаевна увидела только этот шлем и кожаные доспехи. Потом она разглядела на груди мотоциклиста черную кожаную сумку. Несомненно, это был тот самый мотоциклист, который минувшей ночью напал на них с Галиной.

В мозгу у Надежды мелькнула совершенно дикая мысль, что мотоциклист устыдился своего ночного поступка и вернулся, чтобы попросить прощения и вернуть Галине сумку.

В следующее мгновение она осознала всю нелепость такого предположения.

А еще мгновением позже увидела на шее мотоциклиста туго затянутую цепь.

– Господи! – выдохнула она в ужасе. – Да он же...

Аня решительно подошла к неподвижному мотоциклисту, наклонилась над ним.

Поскольку он был в шлеме, лица не было видно. Женщина боязливо потрогала его руку, отдернулась, повернулась к Надежде и очень тихо проговорила:

– Он уже холодный!

Тут же рядом с ней возник вчерашний мужчина с седоватым ежиком и взял ее за плечо:

– Анна, не трогай ничего! Я уже вызвал полицию!

Надежда Николаевна вернулась в холл, постояла минутку в растерянности и побрела наверх.

– Ну что, заказала завтрак? – спросила Галя, как только она вошла в номер.

– Что? Какой завтрак? – растерянно переспросила Надежда. – Ах, ты про завтрак!

– Ну да, завтрак! А ты за чем вообще ходила?

– Понимаешь, Галя, там такое случилось...

– Что еще? – по инерции спросила Галка.

Не зря они знакомы были с Надеждой бог знает сколько лет, Галка тотчас поняла по ее тону, что случилось что-то нехорошее. Но объяснений получить не успела.

В это время в дверь номера постучали.

– Нельзя! – вскрикнула Галина и заметалась по комнате. – Ни в коем случае!

– Это полиция, – донесся из-за двери слегка простуженный мужской голос.

– Думаю, нам все же придется открыть, – проговорила Надежда Николаевна. – Ты же не хочешь, чтобы они сломали дверь?

Галина ничего не ответила. Она застыла посреди комнаты в позе каменного изваяния, закрывая лицо руками. Надежда подошла к двери и открыла ее.

В номер вошел плотный немолодой дядечка с шишковатым носом и тяжелым подбородком, в полицейской форме с погонами майора. Оглядев комнату, он недовольно проговорил:

– Что это у вас так темно? Нельзя ли шторы раздернуть?

– Ни в коем случае! – вскрикнула Галина. – Я не могу... Мне нельзя находиться на ярком свете...

– Ну ладно, – полицейский пожал плечами, нашел стул и уселся посреди комнаты. – Ну, давайте познакомимся. Я майор полиции Дятлов, если по имени – Семен Иванович. А вы, значит, Галина Ильинична Войтенко? – он уставился на Надежду.

– Нет, Галина Ильинична – это она. – Надежда повернулась к подруге. – А я Лебедева Надежда Николаевна, я к ней в гости приехала.

– В гости? – переспросил майор. – В гости – это хорошо. А вы вчера вечером вместе прогуливались?

– Вместе, – кивнула Надежда.

– И на вас, как мне сообщили, было совершено нападение.

– Совершенно верно, – кивнула Надежда. – У Гали сумку вырвали.

– Кто именно? – поинтересовался майор.

– Человек на мотоцикле, – ответила Надежда.

– Юрий Костоломов! – выпалила из темноты Галина.

– Ага! – оживился майор. – Значит, вы узнали нападавшего?

– Мы его не узнали, – проговорила Надежда Николаевна, недовольно покосившись на подругу. – Просто мы его описали, и сотрудники пансионата сказали, что описание подходит к этому самому Костоломову. А так мы его вообще никогда не видели. Лично я здесь только с позавчерашнего дня и вообще никого в городе не знаю...

– Так-так, – проговорил майор недоверчиво. – Значит, вы утверждаете, что до вчерашнего дня не встречали гражданина Костоломова?

– Я его вообще не встречала. Это он на нас с подругой вчера налетел на своем мотоцикле и вырвал у Галины сумку...

– Вот эту? – Майор жестом циркового фокусника вытащил откуда-то из-за спины черную сумку.

– Ну да, это моя сумка! – обрадовалась Галина. – Вы ее нашли? Очень хорошо! Там нужные мне вещи...

– Какие именно вещи? – спросил майор.

– Тональный крем, спрей от ушибов... – Галина задумалась. – Влажные салфетки, и так, кое-что еще по мелочи...

– Соответствует списку, – удовлетворенно проговорил полицейский. – Это действительно ваша сумка...

Галина потянулась за сумкой, но майор спрятал ее за спину:

– Э нет! Это не ваша сумка!..

– Как это не моя? – возмутилась Галина. – Вы же только что сказали, что моя! И вещи соответствуют.

Надежда закашлялась, пытаясь привлечь внимание Галины, но та ничего не заметила.

– Это не ваша сумка, – продолжил майор. – Это вещественное доказательство!

– Доказательство? Доказательство чего?

– Убийства, – ответил полицейский строго.

В комнате сразу как будто потянуло холодным осенним ветром.

– Эта сумка была найдена на трупе гражданина Костоломова, – продолжил майор. – Так что до окончания расследования я не могу ее вам вернуть. Ее должен исследовать эксперт на предмет обнаружения отпечатков пальцев и тому подобного...

– Ну, наши-то отпечатки там точно будут, – сообщила Надежда Николаевна, – ведь сумка Галины, и я к ней тоже прикасалась. А вообще, почему вы пришли к нам? Вы считаете, что мы как-то связаны с этим убийством?

– А вы как считаете? – перебил ее майор. – У вас вчера произошло столкновение с гражданином Костоломовым, а сегодня он найден убитым! И при нем, извиняюсь, найдена ваша сумка! С вашими, как вы сами признали, отпечатками пальцев!

– Убитым? – ахнула Галка и даже выскочила на середину комнаты, где было светлее. – Убитым? Надя, ты почему мне не сказала?

– Извините, – скромно проговорила Надежда Николаевна, отмахнувшись от нее. – А не скажете ли вы, как был убит гражданин Костоломов?

– Задушен цепью, – ответил майор мрачно.

– И что, вы серьезно думаете, что одна из нас или мы обе можем задушить цепью здорового байкера? Или рокера – я, честно говоря, не знаю точно, чем одни отличаются от других!

Майор не то чтобы смутился, но несколько отступил от своей непримиримой позиции. У него-то был настрой раскрыть убийство по горячим следам. Имеется труп, имеются также свидетели, которые утверждают, что вечером этот труп, будучи еще живым человеком, конфликтовал с двумя приезжими гражданками. Вот и мотив, чего еще искать, все ясно... Но свидетели не говорили ему, что тетки-то не первой молодости. Не старухи, конечно, но все же мужика здорового цепью придушить даже вдвоем не смогут. А жаль.

– Ну, вообще-то я так не думаю, – проговорил майор после затянувшейся паузы. – Но все-таки я попросил бы вас не уезжать из нашего города, пока не закончится следствие.

– Вот интересно! – возмутилась Надежда. – А если оно будет тянуться несколько месяцев? У меня, между прочим, муж дома без присмотра. И еще кот.

– По крайней мере, неделю никуда не уезжайте. Я вас на допрос завтра вызову. – И майор поспешно вышел из комнаты, пока Надежда его снова не перебила.

– Нечего сказать, съездила, навестила подругу! – рассвирепела Надежда. – Теперь неизвестно, на сколько тут застряну!

– А я-то при чем? – Галка решила показать норов. – Если хочешь знать, это из-за тебя все! Потому что ты, Надежда, просто ходячая неприятность. Все знают, что как только ты куда едешь – обязательно там случится что-нибудь криминальное!

– Я? – задыхнулась Надежда.

– Ага, – безжалостно продолжала Галка. – Игорь так и говорит: Надежда просто притягивает разные истории!

– Ах, Игорь говорит? – деревянным голосом переспросила она. – А что еще он обо мне говорил? Ты не стесняйся, договаривай уж... А потом я скажу...

– А он рассказывал про эту историю с картиной... Ну, когда в Эрмитаже картину украли – «Бассейн в гареме».

«А еще говорят, что бабы болтушки! – мысленно взвыла Надежда. – Договорились же с Игорем молчать о том деле!»

– Ой, Надя, только я ему честное слово дала, что никому, – испугалась Галка, – ты уж меня не выдавай.

Надежде стало смешно.

– Ладно, только ты Саше не проболтайся!

– Надя, ты извини, – после некоторого молчания заговорила Галка, – я, конечно, глупость сказала, просто среди знакомых слухи ходят, что ты вроде бы как детектив, преступления распутываешь.

– Врут все люди! – прервала ее Надежда. – Мало ли кто чего говорит... И вообще не имеет права полиция меня тут долго держать. Мы с тобой всю ночь в этой комнате провели, дежурная подтвердит!

– Ой, только не вздумай права у полиции качать! – заметила практичная Галка. – Только хуже будет.

Надежда и сама понимала, что ничего хорошего не будет. Галка между тем решила действовать хитрее. Она позвонила своему доктору Ивану Петровичу, обрисовала ситуацию, и тот тут же заверил ее, что никакая полиция ее на допрос не вытянет, у нее постельный режим, а справки, какие надо, он выпишет задним числом. Надежда, услышав о таком, только зубами скрипнула от злости. К тому же Галкин звонок напомнил ей, что нужно самой дозвониться мужу и сообщить ему нерадостную весть о том, что она не вернется завтра, как обещала, а останется здесь на неопределенный срок.

Сан Саныч трубку взял не сразу, оказалось, что он уже на работе, Надежда со всеми делами и тревожными потерями потеряла представление о времени. Муж говорил с ней сухо, возможно оттого, что в кабинете были у него какие-то люди. И на сообщение о непредвиденной Надеждиной задержке отреагировал весьма спокойно. Просто сказал «да-да, конечно, делай как тебе удобно». И отключился, не сказал ласкового слова. Даже намек на то, что соскучился. И бюллетень о здоровье кота не предоставил. Впрочем, о коте Надежда не сильно беспокоилась, она знала, что кота муж в обиду не даст.

Настроение у Надежды Николаевны и так было плохое, а тут вообще упало до нуля. Этому способствовало еще чувство сильнейшего голода. У нее так часто бывает – как понервничает, так есть ужасно хочется. В студенческие годы подружки на сессии худели от волнения, а она, наоборот, только ела.

Галка нарезала грушу на маленькие аккуратные кусочки и не спеша ее грызла, насчет пережевывания пищи у нее явно наметился прогресс. На часах было без десяти двенадцать – ясно, что завтрака им сегодня не дадут.

Надежда прислушалась к себе и поняла, что до обеда она не выдержит на яблоках и грушах. Хорошо бы выпить горячего сладкого кофе, чтобы взбодриться.

– Пойду, – сказала Надежда, наскоро приведя себя в порядок, – может, кафе найду. Тебе булочку принести?

Галка покачала головой с сожалением.

В холле было натоптано, дверь на улицу раскрыта, туда-сюда беспрерывно сновали полицейские. Тело увезли, но кто-то суеился на том месте, что-то измеряли и фотографировали.

Аня сидела за стойкой, уныло подперев голову рукой. Увидев Надежду, она повинулась насчет завтрака и согласилась выпустить ее через служебный вход, чтобы не идти мимо жуткого силуэта, нарисованного мелом на асфальте, который только и остался от вчерашнего незадачливого грабителя Юрия Костоломова.

Делая над собой усилие, чтобы не вертеть головой и не вздрагивать от малейшего шума, Надежда прошла два квартала и обнаружила небольшое кафе, которое называлось «Мальвина». На вывеске была нарисована девочка с голубыми волосами.

Колокольчик мелодично звякнул, и женщина за стойкой подняла голову и улыбнулась Надежде приветливо. Зал был небольшой, всего столиков восемь, две девчушки лет двенадцати ели мороженое, да полная тетя в зеленом халате и шапочке для душа пила чай с пирожными и читала глянцевого журнал.

Надежда заказала горячий бутерброд с сыром и ветчиной, он назывался на итальянский лад «панини», и большую чашку кофе с молоком. Потом подумала немножко и, стыдясь своей слабости, попросила еще булочку с марципаном.

«Никто не узнает, – малодушно подумала она, – и в конце концов у меня стресс. Не каждый день находишь утром перед дверью задуманных цепью людей с собственной сумкой на шее».

Сумка была Галкина, но от этого не легче.

Ожидая, когда принесут заказ, Надежда рассеянно смотрела в окно. И тут ей впервые пришла в голову мысль, а кто же, собственно, убил этого самого Костоломова. И главное – зачем?

Мысль эта как пришла, так и ушла, потому что принесли кофе, и Надежда Николаевна сосредоточилась на еде.

Кофе оказался вполне сносный, а булочка показалась Надежде просто удивительно вкусной.

Девчушки доели мороженое и убежали, хихикая.

– Елена Ивановна! – окликнула барменша тетю в бигудях. – Время не пропустишь? А то как в прошлый раз будет...

– Ой! – Тетка взглянула на часы и подскочила на месте. – Опять передержала!

Стало видно, что на ней не халат, а накидка, какие используют в парикмахерской, а под шапочкой мокрые волосы.

– Иди уж, – сказала барменша. – Потом рассчитаемся.

– Вот вечно она так, – пояснила женщина в ответ на удивленный взгляд Надежды Николаевны, – зачитается и забудет, что краска на волосах. В прошлый раз сожгла волосы-то, пришлось короткую стрижку делать. Тут салон парикмахерский напротив, ну, клиентки все ко мне и ходят, чтобы, пока волосы красятся, посидеть в тишине и кофе выпить. Днем-то народу мало... А к вечеру придут люди, утром опять же перед работой позавтракать, кто дома не успел...

Хлопнула дверь, и в зал вбежала очень колоритная девица. Была она высока ростом, рыжие волосы стояли рассерженным ежиком, тушь с одного глаза потекла, и потому глаз казался подбитым. Надежде, кстати, тут вспомнилась старая частушка «Юбку новую порвали и подбили левый глаз...».

Глаз и правда был левый, а юбка не рваная, но в пыльных разводах, как будто девица валялась на дороге.

– Зойка! – барменша всплеснула руками. – Ну где ты ходишь?

– Не могу! – закричала девица с надрывом. – Ой, тетя Маша, не могу работать!

Она упала головой на ближайший стол и разрыдалась.

Барменша выскочила из-за стойки и подхватила девицу за плечи, встряхнула ее, как тряпичную куклу.

– Ты что это устраиваешь? Ну-ка, успокойся!

Но та только тряслась и рыдала. Барменша повела ее в подсобку и оглянулась на Надежду:

– Женщина, я вас попрошу, присмотрите тут хоть пять минут!

– Не беспокойтесь, – сказала Надежда, – я не уйду.

– Вот спасибо вам! – И барменша скрылась за дверью.

Но прикрыла она дверь неплотно, чтобы, надо думать, одним глазом все же за своим хозяйством присматривать, поэтому Надежда слышала все, что говорилось в подсобке.

Сначала слышны были только рыдания, потом пошли разговоры, из коих Надежда быстро уразумела ситуацию. У рыжей девицы, которую звали Зоей, нынче ночью убили хахалю. Надо думать, того самого Юрку Костоломова, потому что не убивают же в этом городе зараз по несколько молодых мужиков. По поводу несчастья Зойка впала в депрессию и отказывалась выходить на работу.

– Не могу, не могу... – тряслась она и так стучала зубами, что даже Надежде было слышно.

– Что уж теперь рыдать, – ворчала барменша, – говорила я тебе, чтобы бросила ты этого Юрку, пока не поздно? Говорила, что ни к чему хорошему ваша любовь не приведет? Так вы разве старших слушаете... Своим умом жить хотите, а ума-то как раз и нет... Пустой был парень, вороватый и наглый. Вот и получил свое. Якшался со всякими мерзавцами, кто-то его и пришил.

– И зачем я его вчера отпустила? – простонала Зойка.

– Что? – зашипела барменша. – Ты с ним вчера была? Вас видел кто-нибудь?

– Да нет, никто не видел...

– Зойка, говори быстро, что вчера было!

Зойка заговорила тише, и заинтригованная Надежда, оглянувшись на пустой зал, рискнула подойти ближе к двери.

И услышала много интересного. Покойный Юрик с Зойкой встретились в двенадцатом часу ночи, он приехал к ней на своем мотоцикле и принес сумку.

– Какую сумку? – оторопела барменша. – Ту самую, с которой его нашли?

Надежда Николаевна поразились, как быстро в маленьком городе расходятся новости, и стала слушать дальше с удвоенным вниманием. Сумка была та самая, этот, прости господи, дурак решил ее Зойке подарить. Зойка, разумеется, поинтересовалась, откуда он сумку взял. Он, конечно, стал темнить, но она его приперла к стенке и устроила настоящий допрос. Слово за слово, выяснила, что сумку эту Юрка сорвал с плеча приезжей тетки, и начала орать.

– Ты, говорю, понимаешь, что делаешь? Она же завтра в полицию заявит! Сумка дорогая, опять же деньги... Только денег-то там как раз и не было. И вообще никаких ценностей, только косметика. Поэтому он мне ее и припер...

– Вот скотина! – не утерпела барменша.

– Я то же самое сказала. И послала его подальше. Он и пошел. А потом его уби-или...

– Не реви! – прошипела барменша. – Иди сейчас домой и носу не высовывай. Полиция спросит – молчи. Ничего не знаешь, ничего не видела, дома ночью спала. Про сумку молчи!

– Но как же...

– Дура! – сказала барменша в полный голос. – Ты что не знаешь, что у полиции кто последний с жертвой виделся, тот и убийца! Или еще скажут, что вы вместе сумки воровали, а потом добро не поделили, ты его и пришила! Зойка, послушай меня хоть раз в жизни, ведь серьезное дело, на зону загреметь можешь!

– Ой! – До Зойки с трудом, но все же дошло, что дело действительно серьезное. Юрке-то уже все равно, а вот у нее и вправду будут большие неприятности.

Услышав шум сдвигаемого стула, Надежда скакнула за свой столик. Зойка кое-как пригладила волосы, смыла тушь и ушла.

– Беда с девкой, – вздохнула барменша, садясь рядом с Надеждой, – племянница это моя. Раньше в салоне работала маникюршей, так связалась с этим Юркой, ну, которого убили, вы верно слышали?

– Угу, – обтекаемо ответила Надежда.

– Он, хам такой, приревновал ее и устроил в салоне скандал прямо при клиентах. Хозяйка Зойку и выгнала. Ну, взяла я ее к себе. Что делать – родня все-таки...

– Так вы хозяйка? – осенило Надежду.

– Ну да, меня Мальвиной зовут. Для кафе это имя подходит, а для жизни нет. Ну, какая из меня Мальвина? – рассмеялась женщина. – На Машу откликаюсь. Сейчас дел неувпоровот, а сама за стойкой стою, потому что Зойка эта...

– Спасибо вам, – Надежда поднялась с места, – все было вкусно. И кофе вы замечательно варите!

– Заходите еще, – улыбнулась Маша.

После сытного завтрака хотелось немного прогуляться, но Надежда Николаевна не отважилась дойти до парка. После вчерашних событий ей туда было страшно заходить. Как ни противно, а нужно было идти в пансионат проведать Галку.

Надежда собралась было перейти улицу, но тут была остановлена странной процессией.

По улице очень медленно ехали три черные машины. Кажется, это были джипы, точную марку Надежда не знала. Остальные машины давали им дорогу, люди, спешащие по своим делам, останавливались и глядели вслед. На крыше первой машины были прикреплены траурные ленты.

Надежда Николаевна стояла близко к проезжей части, поэтому, когда первый джип поравнялся с ней, она увидела, что творится внутри машины. Рядом с водителем сидел пассажир, в котором она с изумлением узнала того самого мужчину, с которым познакомилась вчера в парке. Как его звали? Кажется, Сергей Сергеевич. Только тогда на нем был светлый плащ и шляпа, а сегодня – строгий черный костюм. На заднем сиденье машины лежал огромный венок из живых цветов.

Процессия проехала мимо.

– Кого это хоронят? – спросила Надежда Николаевна у старухи в детской панамке.

– Не хоронят, а поминают, – строго ответила старуха, – день памяти сегодня по невинноубиенной Катерине...

– А этот... Сергей Сергеич тут при чем?

Надежда и сама не знала, для чего расспрашивала старуху.

– Здравсте-пожалста! – удивилась та. – А кому и поминать-то, как не ему, когда его дочка десять лет назад погибла!

– Вот оно что... – вздохнула Надежда.

– У каждого свое горе, – философски ответила старуха и пошла своей дорогой. Надежда последовала ее примеру.

Галка встретила ее ужасно недовольная. Она озверела, сидя в четырех стенах, и теперь ей и яблоки были кислые, и груши жесткие, и вообще хотелось крепкого кофе и на свежий воздух. Поэтому Галка злилась на Надежду, которой все это было доступно. Надежде Николаевне изменило ее обычное хорошее настроение, и она ответила на Галкины выпады ехидным замечанием.

Тут же разразился скандал. Подруги покричали немного друг на друга, пока Надежда не опомнилась первая.

– Слушай, я же все равно не могу уехать, – сказала она.

– И то верно, – вздохнула Галина, – и так тошно, так тут еще это убийство на нашу голову...

После обеда Галка прилегла соснуть, а Надежда спустилась вниз, чтобы попросить на ресепшен какую-нибудь книжку. Хотя и спала она плохо нынче ночью, однако днем спать не могла, с детства у нее такая особенность, воспитательницы в детском саду, бывало, ругаются, а сделать ничего не могут. Потом и укладывать перестали, давали игрушки, и маленькая Надя сидела тихонько в полутемном помещении группы.

В холле было тихо, Аня ушла, и на ее месте сидела та самая светловолосая девушка, что вбежала утром с вытупленными от испуга глазами, увидев у порога мертвое тело. Надежда Николаевна прочитала на бейджике, что зовут ее Ниной.

В ответ на просьбу о книжке Нина указала на стеллаж, где жильцы пансионата оставляли прочитанные детективы. Кто-то, наоборот, прихватывал отсюда в дорогу, в общем, библиотека потихоньку менялась, но все же пополнялась.

Надежда с интересом покопалась, вытащила для себя пару детективов и один дамский роман для Галки. Роман рекомендовала Нина, которой было скучно и хотелось поговорить. Надежде тоже было нечего делать, поэтому она не спешила уйти. Нина все сворачивала на убийство, и Надежда Николаевна, которой до смерти надоела эта тема, решила спросить о другом:

– Скажите, Нина, вы ведь давно в этом городе живете?

– Как родилась, так и живу, – вздохнула Нина, – хотела после школы уехать, так мама заболела. Потом замуж вышла, родила... Вот так и осталась здесь...

– Я сегодня такую вещь видела, – заговорила Надежда, осторожно подбирая слова, – три машины на кладбище ехали, цветов – море.

– А, так это со дня Катиной смерти сегодня десять лет стукнуло, – ответила Нина, – я тоже хотела пойти, да вот, дежурство оказалось. Катя Самохвалова, подружка моя, как раз в сентябре погибла. Вот отец ее и устроил поминание.

– А что же с ней случилось?

– Ой, там такая история... – глаза у Нины загорелись в предвкушении рассказа. – Понимаете, мы все вместе в школе учились. И десять лет назад как раз в последний класс пошли. Катя среди нас, конечно, самая красивая была. У нее отец каким-то бизнесом занимался, как раз после окончания школы они переезжать собирались в Москву. Вот у меня, к примеру, мама медсестрой была, у других девчонок примерно то же самое, так сами понимаете, какая разница. Одета была Катюша как игрушка, да и внешность не подвела. У нее мать наполовину не то чеченка, не то грузинка, очень была красивая женщина, и Катя в нее пошла. Знаете, как говорят, про покойников плохого не говорят, так я душой кривить не стану. Катюша и правда хорошая была девчонка, перед нами не заносилась, не грубила, училась хорошо, со всеми ладила. Легкий у нее был характер, приветливый. Все ее любили – и ребята, и учителя...

– Но? – спросила Надежда. – Ведь было же какое-то «но», верно? Вы нарисовали такой образ светлый, и жизнь у девочки была такой безоблачной, так не бывает.

– Наверно, вы правы, так не бывает, – согласилась Нина. – Вот я сейчас думаю: Катя, она любила головы мальчишкам крутить. Даже и не так, какая девчонка хорошенькая этого не любит? Понимаете, ей нравилось, чтобы парней возле нее было много. Отец у нее не то чтобы строгий был, но говорил часто, что Кате никто здесь не компания, ну, чтобы она ни с кем в школе не крутила, потому что ни к чему это. У нее дорога другая. Это мы и сами видели, да только парни этого никак не хотели понять. Вились вокруг нее, а она вроде бы никого не отличала, всем улыбалась ласково, поговорит, посмеется.

– Ну, так и что в этом плохого? – удивилась Надежда.

– Ну, это может у вас в большом городе так принято, – зло сказала Нина, – а у нас надо сразу все тонкости прояснить. Если не собираешься с парнем дело иметь, так и скажи – отвали,

мол, от меня по-хорошему. Он и уйдет. А если намеками да смешками, то парни только сильнее прилипнут, подумают, что их завлекают. Я сейчас думаю, что Катя ничего плохого не хотела, просто боялась одна остаться. Этому откажет, этому откажет, а потом и получится, как в старой песне пелось: «Все девчата с парнями, только я одна». И никому ведь не докажешь, что сама всех отвадила...

– Девчоночья точка зрения, – понимающе кивнула Надежда.

– Так мы ведь и были девчонками сопливыми, – согласилась Нина. – Кате едва семнадцать стукнуло, мне и того меньше... В общем, потихоньку все ребята от нее отстали, других девчонок нашли, осталось двое – Лешка Долгов и Павлик Зимин. Лешка хоть парень симпатичный был – волосы черные, зубы белые, на гитаре играл и пел здорово, но фамилия его очень ему подходила. Отца у него не было, мать уборщицей работала, да еще и попивала. Жили они в такой халупе, что даже стыдно мимо проходить было. Лешка, конечно, парень хулиганистый был, однако до десятого класса доучился. Математичка наша Елизавета Григорьевна его очень хвалила – способный, говорит, парень, непременно нужно в институт поступать. Славная была тетка, хоть и строгая, теперь уж померла давно...

Нина пригорюнилась, видно, воспоминания не радовали.

Надежда украдкой взглянула на часы – не рассчитывала, что разговор затянется так надолго, а теперь уж неудобно встать и уйти.

– Так что же с Катей случилось? – напомнила она.

– Ох, вот подошла к самому кошмару! – всхлипнула Нина. – Десять лет прошло, а как вспомню – мурашки по коже! Дело было в субботу, справляли мы в тот вечер день рождения у одной девчонки, Лиза ее звали, Лиза Тимофеева. Они с матерью на окраине жили в деревенском доме большом. Ну, погода тогда стояла хорошая, бабье лето, вот как сейчас. Лизка еще шутила, что в ее день погода всегда теплая, как по заказу. Стол, конечно, накрыли в доме, у них комната большая была, а танцы устроили в беседке. Там вокруг дома сад большой, у Лизки дед какой-то специалист был крупный по сельскому хозяйству, пока он жив был, многие у него саженцы и семена брали.

Ну, выпили, конечно. Хоть и немного, а запьянели. Мать-то Лизкина вина немного выставила, так ребята с собой принесли. Ну, на свежем воздухе проветрились, потанцевали, потом парочки разбежались по саду целоваться да обжиматься. Мамаша Лизкина стол накрыла да к соседке ушла.

В общем, уж не знаю, что там было, только Катя с Лешкой Долговым в тот вечер поссорилась. Может, он чего лишнего себе позволил, может, она его продинамила, в общем, поругались они. Я тогда с одним парнем была – так, ничего особенного. В общем, сидим мы на лавочке с задней стороны дома, смотрим – Катя бежит, вся растрепанная и в слезах. Я хотела к ней подойти, да Генка не дал, вцепился в меня как клещ.

Ну, посидели еще, а вечера-то прохладные, замерзла я совсем. Пошли мы в дом, ребята туда музыку перенесли, потому что в беседке темно и зябко. Смотрим – Лешка в углу сидит, чернее тучи, и пьет рюмку за рюмкой. А Катерина с Пашкой Зиминим отплясывает одна посередине комнаты. То быстрый танец – вся извивается, а медленный – так на него прямо виснет. Девчонки только плечами пожимают – что это на нее нашло, никогда так себя не вела.

Ну, однако, время уж позднее, все выпили, наплясались до упаду, нацеловались, пора и по домам. Я первая завелась тогда, потому как с Генкой этим неинтересно мне было. Пойду, говорю, домой спать. Ну, девчонки за мной потянулись. Лизка не удерживала, потому как насвинячили мы порядочно, а мать с нее слово взяла, что все чисто будет, так что ей еще убрать надо было.

Собрались мы, а тут Лешка подходит и говорит: «Катя, я тебя провожу!» А она так плечом дернула – не нуждаюсь, говорит, в провожатых, сама дойду, мне вон с Ниной по пути! Это со мной, значит. Ну ладно, Лешка говорит, а сам так смотрит зло – ты сама так решила, так

ежели что – потом не обижайся. Мы и не поняли тогда, к чему он это сказал-то... А я так оглянулась – где же Пашка-то? Нет его рядом. Ну, думаю, и к лучшему, а то еще разодрались бы они с Лешкой.

Ну, пошли мы втроем. Я-то хотела Генку отправить, чтобы с Катей поговорить – что у них стряслось-то? Так куда там, этот чурбан никаких намеков не понимает. Идем, Катерина молчит, только грустная она какая-то. Только и сказала, что не может дожидаться, когда год пройдет, уехать отсюда, говорит, и не вспоминать про Козодоев никогда. Потом и говорит нам – идите, ребята, мне тут близко через лесочек, я сама дойду. Я не хотела – время позднее, давай, говорю, мы уж тебя до самого дома доведем. Генка тоже согласен был. А она ногой даже топнула – не маленькая, говорит, все меня учат, как жить, достали уже! И побежала по тропинке, «до свидания» и то не сказала.

Нина замолчала и налила себе воды из пластиковой бутылки.

– Что же случилось? – напомнила о себе Надежда, она представляла уже, что скажет Галка, когда проснется. Приехала, мол, за мной ухаживать, а сама где-то ходит все время...

– Вернулась я поздно, от матери влетело, – заговорила Нина, – ей в воскресенье на дежурство надо было к восьми, а тут не спи, меня дожидайся. Опять же Генку она углядела, а он ей не нравился, велела мне с ним не гулять. Да я и сама-то не больно его отличала, если честно, только назло матери с ним и крутила.

В общем, только уgomонились, как в дверь звонок. Кто, да чего надо, мать спросонья кричит через дверь. Потом помолчала, послушала и открыла. Нина, говорит, иди сюда. Я, как была в ночной рубашке, выскакиваю, а там Катин отец стоит, Сергей Сергеевич. Ты, говорит, когда Катю видела, во сколько и где? А я ничего не соображаю, только глазами хлопаю. Он подошел, за плечи схватил, да как тряхнет, у меня все косточки затряслись. И смотрю – глаза у него такие, как будто бездонные, а там чернота, как омут. Тут мама вмешалась, что, говорит, у вас случилось, скажите толком, а дочь мою не пугайте.

Оказалось, Катя домой не пришла. Ждали, ждали ее родители, а потом отец поехал к Лизке. Там никого, Лиза говорит – ушли все, и Катя с ними. К кому-то из девчонок его адресовала, там вспомнили с большим трудом, что мы втроем с Катей свернули. Телефона у нас не было, отец поехал к нам домой. Ну, я тут очухалась, так, мол, и так, говорю, хотели ее до дому проводить, она отказалась, пошла через лесок одна. Он тогда совсем лицом почернел и вышел. А утром весь город всколыхнулся – Катя в том лесочке лежала убитая. Отец ее и нашел, когда от меня ехал, к тому времени рассвело маленько.

– Господи! – вздохнула Надежда. – Как же так?

– А вот так... – грустно сказала Нина, – у меня самой дети, врагу лютному не пожелаешь такого. Это чтобы дочку свою единственную в таком виде найти! Ее ведь и узнать нельзя было, вся избитая, и лицо страшно изуродовано...

– Кто же такое над ней совершил? За что? – не унималась Надежда Николаевна.

Нина долго молчала, потом заговорила глухо:

– Конечно, милиция за это дело взялась крепко. Скандал был, потому что такого в нашем городе давно не случалось. А точнее, вообще никогда. Родители Катины были люди не простые, их все знали. Раньше тихо у нас в городе было. Ну, подерутся мужики по пьяни, ножом кто-то кого-то пырнет – так это дело житейское, муж жену побьет по пьяному делу опять же или она его сковородкой. Как говорится, на бытовой почве. А тут девушку забили насмерть.

– Ужас какой! – в который раз содрогнулась Надежда.

– Милиция, видно, приказ получила – молчать, так что мы поначалу подробностей не знали, – совсем тихо говорила Нина, – да только городок-то маленький. Мама у меня в больнице работала, у нее все врачи знакомые. В общем, просочились слухи – Катерину избили железным прутом, арматурой ржавой. Там она в лесочке и валялась без дела, пока убийце под руку не подвернулась.

Лешку Долгова сразу забрали, прямо утром, потому что кто-то из наших сказал, что поссорились они с Катей накануне. И он ей вроде угрожал, то есть когда сказал, что сама, мол, виновата, пеняй теперь на себя. Стало быть, ушел раньше, подкараулил ее в лесочке том и убил.

А у нас соседка была тетя Тоня, она в милиции уборщицей работала. Ну, понятное дело, ей никто ничего не докладывает, а с другой стороны – уборщицу никто не замечает, как будто она пустое место. Вот она и рассказывает: метет коридор, а в кабинете том дверь приоткрыта. Жарко было, душно, народу набилось много. В общем, допрашивают в том кабинете Лешку, он все отрицает. Не был, говорит, в том лесу, домой сразу пошел после гулянки. Катерину не подкарауливал, не трогал ее. А поссорились они из-за любви. Вроде бы любовь у них была, только Катя отца боялась, и поэтому таились они. Катя делала вид, что никто ей не нужен, а Лешка возревновал тогда, самолюбие у него взыграло, он ей условие поставил: всем объявить, что они – пара, что Катя – его девчонка. Чтобы никто на нее не покушался. А Катерина тоже гордость выказала – не смей, мол, мной командовать, ты мне еще никто, а уже голос повышаешь.

В общем, крупно поговорили, Лешка потом выпил, в конце хотел помириться, а Катя нарочно с Пашкой кокетничать начала. Он и обиделся, решил, что все уже, выбросить надо ее из головы.

Менты, конечно, ему не верят, там кто-то из начальства на него орет – ага, ври больше, стала бы такая девушка с тобой, шантрапой, пьянчужкиным сыном, любовь крутить. Ты, говорит, за ней бегал, а когда она тебе решительный от ворот поворот дала – тут-то ты и озверел. Лешка кричит – не был я там, дома был, мать может подтвердить. Те только смеются – мамаша твоя, такая-то и такая-то, она вечно пьяная, ей никакой веры нет. Лешка, конечно, озверел, когда так про мать-то говорят. Сам на них матом, те, видно, побили его...

Тут тетя Тоня говорит, она шваброй случайно стукнула, выглядывает мент из кабинета. Ты, говорит, чего тут подслушиваешь? Пошла отсюда вон! Ну, она и пошла от греха подальше.

– А что же они так сразу на этого Долгова подумали? – спросила Надежда Николаевна. – Там же ведь и другой парень возле Кати крутился, этот, как вы говорили...

– Пашка Зимин, – напомнила Нина, – ну да, только он сразу алиби предоставил – ушел, мол, домой раньше всех, родители подтвердили, что вернулся он и сразу спать лег. А чего ушел, так говорит, выпил с непривычки много, голова заболела. А у него знаете, кто отец-то был? Зимин Андрей Павлович, мэр нашего города. И до сих пор им остается. Так что ему-то веры побольше было, чем Лешкиной мамаше. И все равно, как-то все неясно. Лешка парень крепкий оказался – стоит на своем, ни за что не признается. И Лизка Тимофеева, у которой день рождения-то справляли, вроде говорила, что видела она Пашку Зимина у себя в саду, еще когда Катя с нами домой собиралась. Вроде мелькнул он где-то. Только это она один раз сказала, а потом отпиралась – показалось, говорит, там темно было, мало ли какая тень мелькнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.